

ИССЛЕДОВАНИЯ

Н. П. Чеснокова*

Реликвии христианского Востока в России в середине XVII в. (по материалам Посольского приказа)

Середина XVII столетия, ознаменовавшаяся преобразованиями богослужebной жизни, стала одним из наиболее плодотворных периодов греческо-русских связей. В это время ко двору русских царей попадает большое число священных реликвий с православного Востока, сведения о которых отложились в собраниях Российского государственного архива древних актов, прежде всего в фондах Посольского приказа (ф. 52 «Сношения России с Грецией»). Изучение истории христианских реликвий началось почти одновременно с их появлением в России. Осмыслить значение этого явления для духовной и культурной жизни русского общества попытались уже современники¹.

Набрав силу в середине XIX в., историографическая традиция была прервана в 1920-х гг. почти на 70 лет². Новый этап в исследовании святынь восточнохристианского мира начался накануне 2000-летия христианства, в 1990-х гг.³ В научных публикациях рассматривался небольшой круг сакральных памятников, хорошо известных в науке. К ним относятся Крест царя Константина, главы Иоанна Златоуста и Григория Богослова, Иверская и Влахернская иконы Божией Матери и др.

В настоящей статье вводятся в научный оборот преимущественно неопубликованные архивные документы. Они дают представление о многообразии и многочисленности святых реликвий, попавших в Русское государство с православного Востока в период преобразовательной деятельности Патриарха Московского и всея Руси Никона⁴. При этом анализ уже известных и хорошо изученных памятников помещается в широкий исторический контекст, что позволяет по-новому оценить их место и значение в системе греческо-русских культурных отношений середины XVII в.

* © Чеснокова Н. П., 2007

Надежда Петровна Чеснокова, научный сотрудник Института всеобщей истории РАН. Исследование подготовлено в рамках проекта «Русское православие в странах Европы и Ближнего Востока в X–XX вв.» по программе фундаментальных исследований Отделения историко-филологических наук РАН «Русская культура в мировой истории».

Возобновление в XVI в. регулярных контактов Русского государства с православными центрами христианского Востока стало отправным моментом в процессе перемещения священных реликвий в самую сильную для своего времени православную страну. Россия уже обладала реликвиями, полученными из Византии⁵, однако их собирание в XVI–XVII вв. легло в основу новых идейных и политических процессов. В исследуемый период отношение к святыням христианского мира приобрело еще большее значение для определения собственного места России в системе международных отношений в целом, особенно в Восточной, Юго-Восточной Европе и на христианском Востоке.

Еще в 1589 г. в связи с учреждением Патриаршества в России Константинопольский Патриарх Иеремия привез в Москву золотую панагию, в которой хранились Кровь Христова, фрагмент Его ризы, часть тернового венца и другие святыни⁶. Позже в Москве появились чудотворное полотенце вмч. Димитрия, икона Богоматери в серебряном окладе, принадлежавшая византийской императрице Елене⁷, фрагмент Животворящего Древа Господня. При Патриархе Никоне в Россию попали Крест царя Константина, Иверская⁸ и Влахернская иконы Богоматери, глава Григория Богослова, глава Иоанна Златоуста, частица Святого Древа и многочисленные мощи других святых.

Реликвии хранились не только в Москве, но и в других городах. Патриарх Антиохийский Макарий и его спутники были поражены убранством главного собора в Коломне. Павел Алеппский писал: «Мы прикладывались ко многим мощам святых, помещенным у них [русских.— *Н. Ч.*] в золотых и серебряных ковчегах, и клали перед ними земные поклоны, как это им приличествует. Мы были изумлены их блеском... Благочестивые и блаженные цари, почтив эти Господние остатки и святые мощи оправками из серебра и золота, жертвовали их в кафедральные и архиерейские церкви и большие монастыри, что внутри крепостей, дабы они служили охраной городам. В начале каждого месяца совершают водосвятие, освящая воду мощами, и окропляют ею все церкви, город и дома для отвращения от них всяких зол. Когда постигнет их испытание или бедствие, священники выносят мощи и идут с ними крестным ходом, моля святых, коим принадлежат эти мощи, о заступлении и ходатайстве за них перед Создателем, дабы Он отвратил от них напасти. Вот наименования этих святынь: во-первых, большой позолоченный крест, осыпанный крупным жемчугом, с Честным Древом внутри; затем, в позолоченных ковчегах: золотое сияние, на коем изображен св. Георгий; внутри частица подлинных мощей его: она блестит как золото, разливая свет, тверда как камень, желтого цвета и кругом с позолотой; частица мощей Иоанна Крестителя, перст ап[остола] Андрея, частицы мощей архидиакона Стефана, пророка Даниила, мученика Пантелеимона, муч[еника] Артемия, св. Феодора Тирона, св. Иакова, рассеченного на уды, Евфимия Великого, Иоанна Златоуста, Прокла, Андрея Стратилата и Ефрема Сирина. Все эти мощи в позолоченной оправе, на которой написаны их имена»⁹. Автор лаконично, но исчерпывающе охарактеризовал восточ-

нохристианские реликвии, попавшие в Россию к середине 50-х гг. XVII в., и их роль в русской духовной жизни.

В Восточной Римской империи хождение частиц мощей святых среди христиан имело древнюю традицию. Почитание мучеников и их останков принималось и практиковалось христианской Церковью с конца II в.¹⁰ В Византийской империи почитание мощей особенно распространилось в VI в. К этому времени мощами святых обладало множество базилик. В отдельных случаях внутри храмов для поклонения им возводился мартирий в виде часовни. Тогда же некоторые мартирии превращались в отдельные церкви¹¹. Священные реликвии часто становились достоянием частных лиц. Особенно много святынь оказалось вне храмов и императорской сокровищницы после захвата Константинополя крестоносцами, а также после его завоевания турками¹². Они продавались и покупались, отдавались в залог.

Случаи с залогом в документах встречаются довольно редко¹³. Турки брали в заклад церковную утварь, однако не могли получить материальную выгоду от обладания мощами христианских святых, так как это противоречило религиозным традициям ислама. В грамоте Вселенского Патриарха Паисия, сопровождавшей привезенную в Москву главу свт. Григория Богослова, говорилось, что Шабан-реиз, в чьи руки попала реликвия, искал на нее покупателя, поскольку считал мерзким держать главу святого у себя¹⁴. Турецкие власти были заинтересованы в том, чтобы святыни находились в христианской среде и способствовали притоку пожертвований в монастыри, платившие подати государству.

В России реликвии играли важную роль в церковной и политической жизни. Принесенные с христианского Востока реликвии заняли почетное место прежде всего в богослужениях, совершаемых в кремлевских храмах. Обладание прославленными реликвиями имело большое значение для политического авторитета государства.

В настоящем исследовании понятие «реликвии» используется в самом широком смысле слова. К ним относятся мощи святых, иконы, в том числе панагии с мощами¹⁵, сакральные предметы, связанные с Христом, Богоматерью, отцами Церкви; мера Гроба Господня¹⁶, вода из святых источников¹⁷, вода из Иордана¹⁸ и многое другое. Особенно часто в документах упоминаются кресты: кресты-мощевики («крест золот с камени, в нем часть Древа Честнаго и Животворящего Креста Господня»¹⁹), наперсные («честный и животворящий крест золотой, велие достоин ради помочи и победы на врагов»²⁰), резные напестольные и выносные²¹, в натуральную величину голгофского Креста²².

Часто святыни и их хранилища были оправлены серебром и золотом, украшены драгоценными камнями и выполнены, как истинные произведения искусства. Например, Кровь Христова²³ и кровь великомучеников и мучеников²⁴, частицы Животворящего Древа Господня²⁵ заключались в специальные сосудики, или панагии, имеющие художественное обрамление²⁶. Распятие вырезалось не только из дерева, но из камня Гроба Господня («образ

Распятие Господне, резан на камне, камень от Гроба Господня, обложен серебром»²⁷). Среди привезенных святынь нередко были кресты-мошевики²⁸ и иконы, в том числе и чудотворные, в золотых и серебряных окладах²⁹. Из Иерусалима чаще всего привозили мощи младенцев, убитых по приказу царя Ирода, воду Иордана, а также реликвии, связанные с Гробом Господним: свечи, зажженные на нем, его меру, масло от кадила из кувуклии храма Воскресения³⁰. Члены царской семьи одаривались сувенирами, которые приносили с собой и обычные паломники в память об их пребывании на Святой Земле. Свечи, зажженные на Гробе Господнем, почитались наравне с другими святынями. Их закладывали в драгоценные мошевики, изготовленные уже в России³¹.

Среди реликвий в материалах Посольского приказа упоминается печать Александра Македонского, которой были запечатаны мощи св. вмч. Феодора Тирона, присланные архимандритом Макарием, бывшим поверенным Иерусалимского Патриарха Феофана (1608–1644 гг.)³². После смерти Патриарха, в 50-х гг. XVII в., Макарий продолжал информировать русское правительство о политической ситуации в Высокой Порте. Он же предлагал московским властям некие соборные постановления: «Грамоты, приходящие ко отцу моему [Патриарху Феофану.— *Н. Ч.*], писаны Патриархом на утверждение догматов их»³³. К сожалению, сведения о получении в Москве указанных соборных постановлений пока не обнаружены. Неизвестно также, что стало с печатью Александра Македонского. Связь же имени Александра Великого и Иерусалима не случайна. Согласно сирийской традиции V–VI вв., Александр знал о будущем пришествии Мессии и хотел сделать Иерусалим столицей своей империи³⁴.

Изображения Александра Македонского, в том числе как императора ромеев, были широко распространены в миниатюрах византийской и поствизантийской эпохи. Его образ помещался на рельефах храмов Святой Софии (Константинополь), Сан-Марко (Венеция), Успенского и Дмитровского соборов (г. Владимир) и многих других и выражал идею торжества царской власти, входил в число сюжетов, охраняющих от сил зла³⁵.

Среди привезенных святынь было немало рукописных книг и печатных изданий, в первую очередь Евангелия. Например, в 1655 г. Антиохийский Патриарх Макарий преподнес государю «Евангелие греческое»³⁶, а в 1657 г. из янинского Успенского монастыря привезли «напрестольное Евангелие, листы харатейные»³⁷.

Информация о происхождении реликвии, а главное — о ее чудотворной силе была, по-видимому, необходимым условием для представления ее царю. Однако собственно «свидетельствованных грамот» в фондах Посольского приказа сохранилось немного. Нередко описание реликвий и творимых ими чудес находилось в грамотах, содержащих какую-либо другую информацию. Вот один из примеров подобного акта: «В нынешнем 165-м [1657.— *Н. Ч.*] году генваря 24 приехал с Назарецким митрополитом Антонием архидиакон Иаким и привез к государю от Антиохийского Патриарха Макария мощи св[ятого] апостола Филиппа... А в грамоте Антиохийского Патриарха Макария,

какову прислал к великому государю с ним, архидиаконом Иакимом, написано: Были де те мощи во Царегороде у некоторого знатного человека Лазаря. И у ево де двора взяли турчанина, убитого человека, и за то посадили ево в тюрьму. И вымучили на нем 4000 ефимков. И он... заложил жену свою и детей, и как де он свободился, и приехал с теми мощми в Молдавскую землю. И он де, Патриарх, взял у него те мощи, послал к великому государю с тем архидиаконом Иакимом, и чтоб великий государь пожаловал того греченина милостынею и на окуп, как ему, великому государю, Бог известит»³⁸.

В апреле 1641 г. греческий купец Константин — родной брат Фомы Остафьева и племянник известного политического агента Ивана Петрова (Тафрали) — передал в Посольский приказ грамоту Александрийского Патриарха Никифора и письмо от Ивана Петрова с политической информацией и свидетельством о панагии бывшего Константинопольского Патриарха Кирилла (Лукариса). Любопытно, что Константин Остафьев вез 2 письма от Ивана Петрова, содержание которых совпадало почти буквально, очевидно на тот случай, если одно из них потеряется в дороге³⁹. Панагия Патриарха Кирилла содержала «менший перст руки святого Василия»⁴⁰. Его преемник на Константинопольской Патриаршей кафедре Кирилл Веррийский заложил панагию «во иноплеменных агарянских руках» за 2500 ефимков⁴¹. Это — одно из нечастых упоминаний о мощах, находящихся в закладе у турок. Скорее всего, турки оценили золото и камни, которыми была оправлена панагия. Мощи были специально выкуплены для русского государя и привезены к царю Михаилу Федоровичу. Другая «панагея золота с камнем хрусталем», поднесенная Константином Остафьевым царю, видимо, не содержала мощи и не заинтересовала Михаила Федоровича. По его указу она была отослана назад к Константину.

До начала церковных реформ в России посланцы Восточной Церкви нередко привозили к царскому двору вместо реликвий предметы из разряда посольских даров. Например, в январе 1640 г. Севастийский митрополит Иосиф⁴² преподнес Михаилу Федоровичу, царице и царевичу драгоценные венецианские ткани, чарку из яшмы, оправленную золотом, и опахало из «индейского перья» с рукоятью из яшмы, украшенной также золотом, яхонтами, изумрудами и жемчугом⁴³. При Патриархе Никоне иконы, кресты, мощи святых становятся главными среди подношений на царском приеме в Кремле.

Центральное место среди реликвий, попавших в Россию в середине XVII столетия, занимают Крест царя Константина, Иверская⁴⁴ и Влахернская иконы Божией Матери, а также глава свт. Иоанна Златоуста и глава свт. Григория Богослова. Их роль в идейной и политической жизни Русского государства отмечена в документах и свидетельствах современников. Эти реликвии почти сразу заняли почетное место в соборах Кремля, использовались в богослужении, во время торжественных процессий по случаю государственных праздников и в военных походах. Эти памятники описаны и в литературе⁴⁵. Интерес ученых к нескольким сакральным предметам эпохи, с одной стороны, выделяет их из большого числа остальных реликвий, с другой — дает возможность считать какую-то одну из прославленных святынь наиболее

значимой. В поле зрения историков попали в основном те реликвии, на которые обратили внимание ученые, первыми использовавшие архивные документы. Однако основным оценочным критерием должно быть отношение к святым реликвиям современников анализируемых событий, в первую очередь — русского правительства.

По документам можно проследить особое внимание русских государей к вполне определенным афонским святыням, прежде всего Иверской иконе Богоматери «Портаитисса», Кресту царя Константина и главе Иоанна Златоуста. Этот интерес стимулировал появление в России множества других священных памятников. Как известно, список с чудотворной иконы Божией Матери «Портаитисса» был изготовлен на Афоне в 1647 г. по инициативе архимандрита Новоспасского монастыря Никона, поддержанной царем Алексеем Михайловичем⁴⁶. В следующем, 1648 г., икона вместе с грамотами из Иверского монастыря, содержащими подробное описание ее создания, была доставлена в Москву⁴⁷. Вскоре она стала особо почитаемой в России.

Ссылаясь на сочинение Павла Алеппского, исследователи указывают еще на один список иконы, который Патриарх Никон заказал для Иверского Валдайского монастыря. Л. М. Евсеева и М. М. Шведова относят появление этой иконы в Москве к 1655 г.⁴⁸ Однако Павел Алеппский не уточняет, когда именно вторая Иверская оказалась у Московского Патриарха. Известно только, что в 1655 г. сирийские архиереи впервые увидели прославленный образ в России. Безусловно, появился он в русской столице раньше. Вторая «Портаитисса» была привезена в 1652 г. В архивных материалах она значится как «образ Пречистые Богородицы Одегитрия... на кипарисной дске, а на полях писаны дванадцать апостол на золоте»⁴⁹. Именно эта икона, щедро украшенная золотом и драгоценными камнями, и описана в сочинении алеппского архидиакона⁵⁰.

Помимо названных Иверских икон Богоматери Евсеева и Шведова упоминают еще две. Одна из них, с изображением чудес, принадлежала царевне Софье Алексеевне, другая, небольшая келейная икона, — царевне Евдокии Алексеевне⁵¹. Принадлежность икон определяется по их нахождению в надгробных иконостасах царевен в Новодевичьем монастыре. Происхождение же этих иконографических памятников авторы реконструируют благодаря косвенным свидетельствам. Так, по их мнению, икона Софьи Алексеевны могла быть заказана для нее Патриархом Никоном одновременно со второй Иверской⁵². Царевна Софья родилась в 1657 г. Вторая Иверская появилась в Москве на 5 лет раньше.

В то же время архивные материалы позволяют добавить к уже известным иконам еще несколько Богородичных образов из афонского Иверского монастыря. В 1686 г. в московский греческий Никольский монастырь приехал иверский архимандрит Нектарий. Он сменил митрополита Леонтия, бывшего настоятелем монастыря в предшествующие 4 года. На приеме в Кремле архимандрит Нектарий преподнес царю Ивану Алексеевичу «образ Пресвятыя Богородицы Иверския да образ святаго Иоанна Предтечи писан на золоте на одной дске», государю Петру Алексеевичу — «образ Пресвятыя Богородицы

Иверския, по сторонам ея два архангела, да образ святых апостол Петра и Павла, писаны на одной дске на золоте»⁵³. В тот же день афонских старцев приняла царевна Софья Алексеевна. Она получила в дар «образ Пресвятыя Богородицы Иверские, около Ея два архангела да святые мученицы Софии и трех дочерей ея Веры, Любве, Надежды, писаны на одной дске золотом»⁵⁴.

По приведенному описанию названные иконы можно было бы принять за двусторонние выносные: Богоматерь Иверская с архангелами на полях (или без них, как в случае с иконой царя Ивана), а на обратной стороне — изображение святых патронов государей. Подобное уточнение очень хорошо иллюстрирует скрупулезный характер приказного делопроизводства. Таким образом, к известным в России афонским спискам иконы Богоматери Иверской прибавляются еще 3, один из которых, бесспорно, принадлежал царевне Софье Алексеевне.

Несмотря на то что уже с XVI в. в Московском государстве были известны сказания о чудотворных иконах Хиландарского⁵⁵ или Ивирского⁵⁶ монастырей, интерес к христианским святыням формировался среди русской элиты под влиянием непосредственных контактов с представителями греческого клира. Так было с иконами Богоматери «Портаитисса», так случилось и с Крестом царя Константина, о котором при московском дворе узнали в 20-х гг. XVII в.

Животворящий крест Христов, а также ставротеки с частицами Честного Древа, найденного равноапостольной императрицей Еленой, были наиболее распространенными и чтимыми христианскими реликвиями. Особо почитался Крест царя Константина, под которым в историографии понимается ряд памятников, восходящих к нескольким крестам, согласно преданию, созданным по приказу Константина Великого. Они изображали крест, представший в дневном и ночном видении императору Востока накануне решающего сражения с императором Запада Максенцием. Крест мог быть вотивным, а мог включать в себя частицу Животворящего Древа Господня⁵⁷.

Константинов Крест широко почитался в Византии⁵⁸, после крестовых походов стал известен в Западной Европе⁵⁹ и у южных славян, а в XVII в. о нем узнали в России. На Афоне, откуда реликвию принесли ко двору царя Алексея Михайловича, Крест царя Константина был не единственным. Помимо Ватопеда, Крестом обладал монастырь св. Павла. В. Григорович-Барский писал: «Тамо обретається Крест великий, удивительный, весь серебром и золотом удобренный, от святого Константина соделанный, с живописанием ветхим и тонким, дванадцат господских праздников в себе содержащий; имат же надписания латинская, древними буквами лонгиварскими и гофскими»⁶⁰.

Идея принесения Креста для поклонения в Москву была подсказана самими афонитами⁶¹, что вполне согласуется с обычной практикой монахов собирать милостыню, вынося в мир святыни, хранящиеся в обители⁶². Священные реликвии, подобные Кресту царя Константина, не отпускались из обители ватопедскими старцами, но ведь и русский двор не был обычным местом, где монахи искали материальной помощи. На протяжении почти трех

десятилетий русское правительство проявляло к Кресту пристальное внимание и настойчиво добивалось его присылки в Москву. Ватопедские старцы и желали, и боялись отпустить святыню из обители. В 1652 г. во время очередного приезда за милостыней, когда Ватопед имел особую нужду в средствах для росписи собора, архимандрит Дамаскин не только упомянул Животворящий Крест, но и рассказал о хранящейся в монастыре главе свт. Иоанна Златоуста, вкладе византийского императора Иоанна VI Кантакузина. Он же сообщил, что афониты посылали главу Иоанна Златоуста к молдавскому владетелю Василию для исцеления от болезни его жены Екатерины, после выздоровления которой реликвия вернулась в Ватопед, а старцы получили богатую милостыню⁶³.

Заручившись письменным обещанием Алексея Михайловича вернуть реликвии в монастырь с теми же старцами, которые их привезут, афониты решили отправить Животворящий Крест и главу Иоанна Златоуста в Москву. Реликвии, выписанные царем Алексеем Михайловичем на время «для поклонения», так и не были возвращены в Ватопед⁶⁴. В ответ на настойчивые просьбы ватопедских старцев вернуть Крест царь заявил, что святыня останется в России, чтобы не быть под властью «бусурман»⁶⁵. Позднее ту же мысль о роли России в сохранении священной реликвии подтвердили преемники Алексея Михайловича — юные цари Иоанн и Петр⁶⁶. Участь Животворящего Креста разделила и глава Иоанна Златоуста⁶⁷.

В середине XVII в. в Москву привезли еще 2 особо почитаемые реликвии — главу Григория Богослова и Влахернскую икону Богоматери. Глава Григория Богослова попала в русскую столицу в начале 1653 г. Ее привез греческий купец Спиридон Кирьяков по просьбе Григория, игумена пелопоннесского монастыря Богоматери Фанеромени⁶⁸. Святыню сопровождали свидетельствованные грамоты, подтверждающие ее подлинность и историю обретения морейским игуменом. В одной из них говорилось о перенесении главы из захваченного турками Константинополя и помещении ее в Троицкий монастырь на острове Крит. Далее следовал рассказ о том, что после турецкого завоевания той части Крита, где находился Троицкий монастырь, глава св. Григория попала в руки капитана Шабан-реиза. Он и потребовал засвидетельствовать подлинность реликвии. Во 2-й грамоте, подписанной Вселенским Патриархом Паисием и членами Синода, фактически повторялась история святыни.

Грамота самого игумена Григория сохранилась только в русском переводе. Игумен выражал желание передать святыню на хранение в достойное место. Та же идея была высказана позднее и Паисием Иерусалимским, который ходатайствовал перед Алексеем Михайловичем о награждении игумена Григория⁶⁹. Глава Григория Богослова до сих пор хранится в Успенском соборе Московского Кремля⁷⁰.

В том же 1653 г. от Иерусалимского протосинкела Гавриила и, очевидно, не без участия влиятельных лиц Константинопольского Патриархата в Москву была прислана Влахернская икона Божией Матери. Как и в случае с главой свт. Григория Богослова, святыню сопровождала свидетельствованная гра-

мота Константинопольского Патриарха Паисия и Синода⁷¹. Известно, что за право приобрести святую реликвию и отправить ее к царю Алексею Михайловичу шла борьба между восточными иерархами. Ее хотел получить бывший Константинопольский Патриарх Паисий, Антиохийский Патриарх Макарий и др. Эти сведения сообщил в Посольском приказе греческий купец Димитрий Остафьев, который привез икону в Москву⁷². Павел Алеппский также не отрицал того факта, что Макарий Антиохийский, находясь в Константинополе, предлагал за святыню большие деньги⁷³.

Как и Иверский образ, Влахернская икона Божией Матери стала одной из самых почитаемых святынь. После Н. Ф. Каптерева история иконы много раз привлекала внимание исследователей. В последнее время ее рассматривают (без какой-либо аргументации) как своего рода апофеоз перемещения в Россию восточнохристианских реликвий⁷⁴. Однако о стремлении царя и Патриарха приобрести именно эту святыню документы молчат. Существует предание, которое пока не находит подтверждения в источниках, что в 1653 г. ко двору Алексея Михайловича доставили еще одну Влахернскую икону Божией Матери⁷⁵.

Если бытование на русской почве описанных выше реликвий изучено достаточно хорошо, то история появления в России образа Божией Матери «Троеручица» окружена полуполюгендарными свидетельствами. Документы Посольского приказа, повествующие об этом памятнике, не публиковались и практически не привлекались исследователями. Между тем икона Божией Матери «Троеручица» была одной из тех афонских реликвий, появлению которых в России Патриарх Никон придавал особое значение.

В исторической литературе утвердилось мнение, что икону привез хиландарский архимандрит Феофан 16 октября 1663 г.⁷⁶ Источником для датировки послужила подпись под иконой, сделанная в Воскресенском монастыре в начале XVIII в. Она приведена в «Описании надписей Новоиерусалимского монастыря» из собрания В. М. Ундольского, хранящегося в Отделе рукописей Российской государственной библиотеки⁷⁷. Однако в тексте значится дата 16 октября 1717 г., что соответствует 1662, а не 1663 г. Попытка найти подтверждение этой записи в официальных источниках скорректировала приведенные выше данные.

Согласно документам Посольского приказа, осенью 1657 г. в Путивле появился архимандрит афонского Хиландарского монастыря Виктор со спутниками⁷⁸. В это время путивльские власти имели царский указ не пропускать греческое духовенство в столицу, а, выдав милостыню из местных доходов, отправлять просителей домой. Хиландарские старцы проявили упорство, настаивая на своем праве проехать в Москву, и направили челобитную Московскому Патриарху. Монахи, в частности, писали, что идут не за милостыней, а на свое подворье⁷⁹: «К тебе, великому государю, Святейшему Никону, Патриарху Московскому... а с собою везем тебе, великому государю, святителю Патриарху, образ подобие Пречистые Богородицы... Троеручицы⁸⁰ да мощи св. великомученика Георгия часть, а великому государю... самодержцу образ

Спасов и святых Савы и Семииона, сербских чудотворцов, да мощи священномученика Кирика, руку десную». Царице предназначался также образ Божией Матери «Троеручица», а царевичу Алексею Алексеевичу — образ св. Георгия «на золоте»⁸¹.

Вскоре пришло распоряжение пропустить хиландарских монахов к Москве, где их настойчивость была вознаграждена значительным царским жалованьем. Все названные выше реликвии были преподнесены Алексею Михайловичу во время аудиенции в Кремле 29 января 1658 г.⁸² По обычаю того времени подарки, предназначавшиеся государю и членам царской семьи, перед приемом тщательно переписывались казенными дьяками в специальные книги⁸³. Распорядитель церемонии имел в руках небольшого формата записки с изложением хода аудиенции, в которых в том числе указывались и реликвии, привезенные афонскими монахами. Эти записки сохранились. Икона для государыни описана так: «Образ Пречистыя Богородицы», далее другим почерком и другими чернилами на оставленном свободном месте приписано: «с Превечным Младенцем»⁸⁴. Эта двойная запись наводит на мысль, что подьячий, записывавший икону в столбцы, не знал, как ее назвать, но и уточнение, сделанное другим человеком, не многим обогатило бы наши представления. По счастью, в том же архивном деле сохранился небольшой южнославянский документ, написанный, скорее всего, кем-то из сербских монахов. Он содержал перечень привезенных реликвий: «Судару — образ Спасов и около святии Сава и Симеон, српские чудотворци, да мощи святага мученика Кирика, рука правая, сударици — образ Пречистие Богородице са Младенцем, подобие Троеручице, и царевнику — образ святаго великомученика Георгия»⁸⁵. Свидетельства официальных документов и самих афонитов совпадают. Кроме того, совершенно ясно, что данный иконографический Богородичный тип был для России непривычен.

Подробности о контактах посланцев Хиландарского монастыря с Московским Патриархом не известны, но косвенное указание на них существует. 18 мая 1658 г. афонские старцы подали на имя царя челобитную, в которой просили разрешения посетить Троице-Сергиев монастырь, как они писали, «по благословению Святейшего Патриарха Никона». 19 мая разрешение было получено. Таким образом, вполне вероятно, что уже в 1658 г. образ Божией Матери «Троеручица» попал к Патриарху Никону. Возможно, икона осталась в Москве, когда Патриарх покинул столицу.

Данными сведениями история иконы не заканчивается. В 1661 г. в Москву на смену монахам, жившим в греческом Никольском монастыре, прибыли старцы афонской Ивирской обители во главе с архимандритом Исааком⁸⁶. В Посольском приказе Исаак сообщил, что еще во время пребывания на Патриаршем престоле Святейший Никон просил ивирских монахов списать образ «с чудотворные иконы Пречистые Богородицы Троеручные, что есть в Филандорском [Хиландарском.— *Н. Ч.*] монастыре», и прислать его в Москву⁸⁷. Ивирские старцы выполнили просьбу и привезли икону. Весть о ней достигла Нового Иерусалима, где в то время находился Патриарх Никон. Он прислал в столицу своего строителя, чтобы забрать образ, но посольские

дьяки не осмелились отдать его Патриарху без царского указа, о чем ему и написали⁸⁸.

В 1661 г. икона была привезена ивиритами, а не хиландарскими монахами, которые, согласно жалованной грамоте, имели право появиться в русской столице только в 1665 г.⁸⁹ Представители двух афонских монастырей стремились выполнить просьбу Московского Патриарха: Хиландарского — потому, что чудотворный образ являлся их святыней, а Ивирского — в связи с тем, что просьба Патриарха Никона была обращена к их обители.

Близость двух дат — 1661 г., когда в Москву пришли ивириты, и 1662 г., обозначенный на надписи под иконой в Воскресенском монастыре, дает основание полагать, что в Новый Иерусалим попала икона, привезенная ивиритами. Патриарх Никон имел давние связи с афонским Ивирским монастырем, которые, по всей вероятности, сохранились и после того, как он покинул столицу. Идея выполнить копию с чудотворной хиландарской иконы, на которую указывал архимандрит Исаак, могла возникнуть у Никона во время или позднее создания для Москвы образа Божией Матери «Портаитисса».

В упомянутой выше записи из Воскресенского собора говорится о святынях Хиландара, среди которых названа икона «Пресвятые Богородицы, яже глаголется Троеручица, и монастырь той, Ивер нарицаемы»⁹⁰. Здесь произошло смешение представлений о двух афонских монастырях, которые в равной степени имели отношение к доставленному в Москву чудотворному образу. Запись свидетельствует также, что привез «Троеручицу» опальному Патриарху хиландарский архимандрит Феофан. По другим данным, этим человеком был Феофан Кастамонитский, который без разрешения властей посетил Никона. Позднее он был осужден как польский лазутчик и сослан в Кириллов Белозерский монастырь, а после побега из него и повторного заключения — на Соловки⁹¹. Документальные свидетельства о причастности Феофана из Кастамонита к доставке Патриарху Никону иконы не обнаружены⁹².

Другое лицо, со слов которого воскресенский игумен Никанор записал историю образа Божией Матери «Троеручица», — «Палестины [sic! — Н. Ч.] Святыя горы Афона муж благочестивый митрополит Леонтий», бывший в Москве «милостыни ради»⁹³, определяется по документам точнее. Речь идет об ивирском архимандрите, а позднее митрополите, который в 80-х гг. XVII в. неоднократно приезжал в Москву и подолгу жил в Никольском греческом монастыре⁹⁴.

Появление в Москве иконы Божией Матери «Троеручица» стоит в одном ряду с доставлением самых прославленных христианских реликвий, однако оно осталось не отмеченным историками ни в XIX в., ни впоследствии. Идеальный замысел Патриарха Никона, связанный с этой афонской святыней, так и не был сформулирован, ведь он попал в Москву в то время, когда Никон оставил Патриаршую кафедру. Непривычная для России иконография образа долгое время вызывала недоумение у прихожан Воскресенского собора Новоиерусалимского монастыря⁹⁵ и была сразу воспринята только при дворе.

Наряду с прославленными христианскими святынями, изучение которых началось еще в XIX в., в Москву попало большое число реликвий, редко упоминающихся в научной литературе либо не упоминающихся вообще. Чаще всего в качестве реликвий в Москву привозили небольшие частицы мощей⁹⁶ и иконы. Из обедневших православных обитателей на территории Османской империи везли резные кресты, которые государь принимал от гостей лично и подчеркнуто торжественно⁹⁷. Важно отметить, что священные реликвии за редким исключением вручались государю на аудиенции в Кремле.

Наиболее значительные дары царю, членам царской семьи и Московским Патриархам делали высшие иерархи Восточной Церкви. Восточные Патриархи были особенно хорошо осведомлены о пристрастии русских государей, духовенства и знати к древним христианским реликвиям. Они же имели больше возможности приобрести их. По сообщениям Павла Алеппского, Макарий Антиохийский и его окружение знали, что именно нужно везти в русскую столицу. Среди реликвий, привезенных Антиохийским Патриархом, были образ Спаса, «писан в корени Ессееве»⁹⁸, икона св. апостола Петра, части Древа Животворящего и Кровь Христова, панагия с мощами св. Иоанна Предтечи. Многочисленным родственникам царя также предназначались дары: мощи святых Анастасии Узорешительницы, Алексия, человека Божия, Феклы и Варвары, а также складной образ Спасителя с апостолами⁹⁹.

У архидиакона Павла мы находим описание сакральных предметов, подаренных Алексею Михайловичу и членам царской семьи, которое не только уточняет свидетельства официальных документов, но иногда и отличается от них. Он упоминает, в частности, «чудесный индийский ларец из слоновой кости с маленьким серебряным замком; внутри его стеклянный сосуд, вроде чашки, покрытый парчой и запечатанный, в нем частица подлинного Древа Креста, испытанного на огне и в воде»; фрагмент честного камня с Голгофы, обогранный Кровью Христа; греческое Евангелие; панагия «серебряная, вызолоченная, в коей образ пророка Захарии вырезан из кости сына его Иоанна Крестителя... фрагмент честного камня в хрустальном сосуде, покрыт парчой, в золотом ларце»; кусок головного покрывала св. Анастасии в ящичке из черной кости, обитом снаружи и изнутри парчой; перст Алексия, человека Божия, волосы его в серебряном вызолоченном сосуде¹⁰⁰. Часть предметов была специально приобретена в Константинополе.

Следует также назвать реликвии и подарки, привезенные Патриарху Никону, сведений о которых в документах Посольского приказа нет. Архидиакон Павел пишет, что среди даров были «древняя икона, изображающая снятие с креста, ибо в этой стране [России.— *Н. Ч.*] ничего так не ценят, как древние греческие иконы, к коим они имеют великую веру; затем сосуд с древним миром и другой, с новым, перст архидьякона Стефана, часть мощей св. Антония Великого и немного (источаемого им) мира, посох из черепахи и перламутра, который мы [Макарий и Павел.— *Н. Ч.*] заказали в Константинополе, как советовали нашему учителю митрополиты и Патриархи: “Твоя святость занимает место апостола Петра, ты имеешь право дать посох для спасения, кому пожелаешь”; далее черная пальмовая ветвь с Синая, стиракса

[смола или ароматический бальзам из смолы некоторых тропических и субтропических деревьев.— *Н. Ч.*], восковые свечи, финики, ладан, мыло благовонное»¹⁰¹.

Патриархов, митрополитов и других архиереев, прибывших ко двору Алексея Михайловича, как правило, сопровождали посланцы отдельных монастырей¹⁰². Попадая, благодаря представителю высшего греческого клира, на аудиенцию в Кремле, они имели возможность от своего имени преподнести реликвии государю и получить за это милостыню несколько больше обычной. Свита архиереев формировалась из людей, составлявших их ближайшее окружение, представителей монастырей, иерархически и экономически связанных между собой. Эти связи практически не изучены из-за недостаточности как греческих, так и русских источников. Они имеют большое значение для решения многих проблем, например происхождения подлинных греческих документов.

В 1653 г. бывшего Константинопольского Патриарха Афанасия (Пателара) в его поездке в Москву сопровождали архимандрит критского Успенского монастыря¹⁰³ Неофит, его келарь Григорий, архимандрит Никольского монастыря в Салониках Христофор с келарем Федором, архимандрит янинского монастыря Рождества Богородицы Досифей с келарем Иоасафом. Во время встречи Алексея Михайловича и Афанасия в Кремле царю были преподнесены многочисленные святыни: от бывшего Патриарха — «образ Спасов в киоте, крест деревянный резной, мощи апостола и евангелиста Матфея, миро, составленное от всех 4¹⁰⁴ Вселенских Патриархов; из янинского монастыря Рождества Богородицы — резной крест; из критского Успенского монастыря — мощи Алексея, человека Божия, св[ятая] вода из целебного источника, чудотворный образ Успения Богородицы»¹⁰⁵. После кончины Афанасия (Пателара) право на приезд в Россию за милостыней сохранил Никольский монастырь в Галаце, где жил бывший Константинопольский Патриарх. Посланцы монастыря посетили Москву в 1658 г. Они привезли государю икону «Сретение Господне», для царицы — образ св. Екатерины, а наследнику-царевичу — распятие, вырезанное из камня от Гроба Господня и обложенное серебром¹⁰⁶.

Судя по документам РГАДА, в середине XVII в. Москву посетили многие греческие митрополиты, архиепископы и епископы. Они представляли различные православные общины Османской империи. В 1649 г. приезжали к государю «Турской земли г. Вела»¹⁰⁷ митрополит Даниил и Коринфский митрополит Иоасаф. Даниил привез мощи свмч. архиепископа Петра Александрийского¹⁰⁸, а Коринфский митрополит доставил Алексею Михайловичу «образ резной 12 празников Владычных, обложен серебром. Да в том же образе мощи св. апостола Павла да смирно»¹⁰⁹. Эти сведения попали в досье Сербского митрополита Михаила, приехавшего в Россию «на вечное житье»¹¹⁰. Они были выписаны в качестве образца приемов при дворе греческих митрополитов и выдачи им царского жалованья. Столбец, посвященный приезду митрополита Даниила, по-видимому, не сохранился. Пребывание в Москве митрополита Иоасафа отражено в других документах ф. 52¹¹¹.

Прибывший в Москву осенью 1650 г. епископ города Ларисы Иоасаф на приеме во дворце преподнес Алексею Михайловичу мощи св. Георгия Победоносца¹¹². Ряд документов позволяет узнать еще об одном посольстве греческого духовенства. В марте 1653 г. в Путивле появился Мирликийский митрополит Иеремия в сопровождении архимандрита Венедикта, архидиакона Агафангела, своего племянника Юрия Иванова и толмача Федора Константинова. Митрополит имел поручения к Алексею Михайловичу, «словесный приказ о... государеве деле... от Антиохийского Патриарха Макария, да от волошского владетеля и воеводы Василья, и от черкасского гетмана Богдана Хмельницкого»¹¹³. В Кремле Мирликийский митрополит преподнес царю часть Животворящего Креста Господня и образ свт. Николая Чудотворца¹¹⁴. Примечательно, что в Путивле он заявил, будто везет Алексею Михайловичу перст Николая Чудотворца¹¹⁵. На приеме же были поднесены другие реликвии. Возможно, в Путивле плохо перевели слова митрополита, либо мощи были отданы в другие руки.

То же можно сказать и о священных реликвиях, находившихся у Сербского Патриарха Гавриила¹¹⁶, которого в Путивле встретил Макарий Антиохийский и его спутники. Павел Алеппский писал, что он видел и почтил мощи св. Марины — удивительной сохранности ногу, величиной с ногу маленькой девочки; мощи свт. Григория Богослова, свт. Иоанна Златоуста, св. Георгия, св. Софрония, кровь преподобномученика Анастасия Персиянина и сщмч. Власия, епископа Севастии¹¹⁷. Во время дворцовой церемонии Гавриил преподнес только «крест деревян резной, перст св. первомученика Стефана, миро св. Даниила, архиепископа Сербского»¹¹⁸. Возможно, указанные Павлом святые принадлежали лично Печскому архиепископу, но были взяты им в дальнейшее путешествие (после Москвы Гавриил направился на поклонение к Гробу Господню) не случайно. Они могли остаться и в России, однако документального подтверждения данного факта нет. Сама вероятность распространения реликвий среди русской знати не вызывает сомнений. Макарий Антиохийский и его спутники раздаривали московским вельможам «частицу мощей какого-либо святого; затем миро, яркие свечи, землю из Иерусалима, Вифлеема, с берегов Иордана, частицу от столпа св. Симеона Алеппского, стираксу, финики, ладан, пять-шесть кусков благовонного мыла и столько же алеппского... ибо они принимают это в виде благословения, но радуются только святыням и древним иконам». Ангорские ткани, шелковые газские салфетки и мохнатые полотенца русские брали неохотно, «так как этого у них много»¹¹⁹.

В январе 1657 г. Москву посетил «Левкадцкого монастыря архиепископ Матфей»¹²⁰. В досье Посольского приказа монастырь назван еще Левкадонским, а приезжий проходит по документам как «Левиацкой архиепископ»¹²¹. Из этого неизвестного в России монастыря прислали образ праведного Алексия, человека Божия, крест резной — для царя и резной же крест, в серебряной оправе с бирюзой — для юного царевича¹²². Благодаря рекомендательной грамоте Антиохийского Патриарха Макария и священным реликвиям архиепископ Матфей получил царское жалованье, соответствующее его статусу¹²³.

В сентябре 1658 г. во дворце принимали Погоянинского митрополита Даниила и Македонского митрополита Никифора¹²⁴. В деле сохранились греческие автографы владыки Даниила, где он подписывается Погоянинским архиепископом¹²⁵, хотя в 1656 г. он был уже отставлен от кафедры, а в 1657 г. посвящен в митрополиты г. Варны¹²⁶. Возможно, Даниил полагал, что греческие епархии имеют при русском дворе преимущества по сравнению со славянскими, или хотел отметить, что уже бывал в России в качестве Погоянинского архиепископа в конце 1651 г.¹²⁷ Митрополит Даниил преподнес государю резной крест, а царевичу Алексею Алексеевичу — мощи архидиакона Стефана. Македонский митрополит Никифор подарил царю также кипарисный, обложенный серебром крест, мощи свт. Григория Богослова, а царевичу Алексею — образ Спасителя на престоле в серебряном венце, с затворами¹²⁸.

Определенные проблемы при анализе актов возникают с толкованием статуса архиепископа Кирилла, прибывшего из Успенского монастыря «г. Сикиза»¹²⁹. В Путивле он назвался митрополитом¹³⁰. В Москве же его представили царю как архиепископа. Архиепископ Кирилл привез с собой для подношения Алексею Михайловичу мощи первомученика архидиакона Стефана, росный ладан, мыло¹³¹. Интересно сравнить дары митрополита Кирилла с подарками греческого купца Христодула Иванова, который присутствовал на том же приеме в Кремле. Купец поднес государю «шандан хрустальной, оправлен золотом, с каменьи, с яхонтики червчатými и с ызумруды; перстень золот с алмазы, дерево касия в 100 золотников, мыло еросалимское»¹³². Осенью 1659 г. был у государя «на приезде» «Погоянинского монастыря архиепископ Нектарий»¹³³ со спутниками. Он привез Алексею Михайловичу образ всемилостивого Спаса, образ св. апостолов Петра и Павла, а также резной крест¹³⁴. Описание приема во дворце не сохранилось.

В середине XVII в. русское правительство поддерживало активные отношения со многими православными монастырями Востока. Наиболее стабильными были связи с афонскими обителями. Монахи Святой Горы прибывали в Москву регулярно, хотя интенсивность контактов зависела не только от внешнеполитической ситуации, которая временами препятствовала совершению дальних путешествий в российскую столицу, но и от экономических проблем, с которыми сталкивался тот или иной монастырь. В этом смысле наиболее показательной можно считать судьбу русского Пантелеймонова монастыря.

Обитель св. Пантелеимона неоднократно переживала периоды расцвета и запустения, когда жизнь в ней почти замирала. В XVI в. царь Иван Грозный направил на Афон, в том числе и в русский монастырь, большую милостыню. Его посланцы не выполнили поручения, так как монастырь был заброшен («пуст»), и предназначенная для него милостыня была передана другим афонским обителям¹³⁵. Когда в январе 1660 г. в Путивле появились архимандрит Дионисий, келарь Хрисанф, черный поп Досифей из Пантелеймонова монастыря, они предъявили жалованную грамоту Михаила Федоровича 1626 г.¹³⁶, заявив, что «ис Пантелеимонова монастыря архимариты,

и строители, и простые старцы после 134 [1626.— *Н. Ч.*] году на Москве никто не бывали»¹³⁷. Попад в Москву, архимандрит Дионисий от имени всей братии поднес на приеме в Кремле святыни: часть мощей Александрийского архиепископа св. Афанасия, образ св. Пантелеимона царю, а также часть мощей и образ св. Пантелеимона царевичу Алексею Михайловичу¹³⁸.

Более интенсивными были связи России с Ивирским афонским монастырем, старцы которого жили в Москве в Никольском монастыре, сменяя друг друга. В феврале 1661 г. произошла очередная смена архимандрита и братии¹³⁹. Документы Посольского приказа содержат информацию не только о приезде греческих монахов, когда в Москву была доставлена одна из икон Божией Матери «Троеручица»¹⁴⁰, а также мощи св. Евстафия. Обращаясь к Алексею Михайловичу, ивирские старцы писали: «Да восприимеши те мощи с верою и со благодением того святого Еустафия, помощника и заступника во время борения воинского дела, аки воина. Того ради те мощи послали святому вашему царствию»¹⁴¹. Возможно, ивирские монахи привезли и еще какие-то реликвии, но полное описание приема у царя не сохранилось: лист обрезан, текст утрачен¹⁴². В тот приезд ивириты напомнили царю о рукописях и книгах, вывезенных из Ивирского монастыря Арсением Сухановым¹⁴³, и еще о 14 книгах, посланных с архимандритом Дионисием, который прибыл в Москву в июне 1655 г.¹⁴⁴

Документ содержит упоминание и о других реликвиях, привезенных из монастыря ранее, в частности, о правой руке св. Василия, епископа Амасийского, с описанием творимых ею чудес: «Послали святую десную руку иже во святых священномученика и чудотворца Василия, епископа Амасийского, и привезли ея к великолепному вашему царствию. И мы с тою святою рукою хаживали в миру, освятя воду с нею, и исчезала всякая гадина в полях, семяядущая саранча, мыши и всякая иная гадина. И збирая мы с православных христиан много милостини, и надеяся на преславное ваше царствие, того ради послали к вашему царствию»¹⁴⁵.

В апреле 1657 г. в Россию прибыла большая группа греческих старцев во главе с архиепископом Афанасием из македонского Преображенского монастыря. В нее входили архимандрит янинского Успенского монастыря Досифей, игумен афонской Великой Лавры Игнатий¹⁴⁶, кроме них на приеме у царя 6 мая присутствовал архимандрит афонского Зографского монастыря Петроний, видимо приехавший ранее¹⁴⁷. Каждый из них преподнес государю, царице и наследнику престола царевичу Алексею свои дары: часть мощей св. апостола Андрея Первозванного¹⁴⁸, первомученика Стефана, Феодора Стратилата, священномученика Власия, апостола и евангелиста Луки, кровь мученика Георгия, кровь мученицы Варвары, миро Димитрия Солунского; иконы Богоматери «Умиление», Спасителя с притворами, Нерукотворный образ Спасителя, образ Всех Святых, резную с обеих сторон панагию с изображением «Господских праздников», напрестольное Евангелие с харатейными листами¹⁴⁹.

В 1653 г. в Москву по жалованной грамоте Михаила Федоровича приехали старцы афонского Павловского монастыря. 22 марта во дворце архимандрит Иоасаф подарил государю деревянный резной крест с вырезанными

на нем Господскими праздниками и смирно¹⁵⁰. В том же документе содержатся сведения о предыдущих приездах в Москву афонитов, реликвиях, привезенных с Афона, и царском жалованье, полученном за них¹⁵¹.

Святые мощи, являвшиеся личной собственностью, греки предлагали непосредственно Посольскому приказу. В сентябре 1651 г. келарь Ильинского монастыря в Янине Анфимий принес в приказ крест-мощевик. Однако крест не приняли, так как келарь запросил за него 25 руб., а мощей в кресте не оказалось. Для сравнения следует отметить, что обычно за поездку келари получали 5–8 руб. царского жалованья. Пребывание янинских монахов в Москве затянулось, и в январе следующего года Анфимий снова предложил Посольскому приказу крест, сказав, что реликвии хранил у себя и хотел «про те мощи объявить иным временем»¹⁵². Информация о святыне дошла до царя. Другими чернилами на том же листе подписано, что государь велел выдать Анфимию «своего государева жалования за крест золотой с мощами... тридцать рублей»¹⁵³. Другой архивный документ свидетельствует, что в кресте находились мощи св. Иоанна Милостивого¹⁵⁴. Каптерев, упомянувший этот случай, иронизировал над неудавшейся хитростью янинского келаря¹⁵⁵. Однако не стоит забывать, что хранящаяся у грека святыня бывала иногда его единственным достоянием, с которым он расставался лишь в крайнем случае. Реликвию брали с собой в дальний путь, она была и оберегом, и «золотым запасом», ею можно было откупиться в случае опасности или непредвиденных затруднений.

Особый интерес представляют материалы Посольского приказа, которые сохранили свидетельства о святынях, привезенных специально для Московских Патриархов. Они немногочисленны и отражают далеко не все реликвии, попавшие с христианского Востока к Московским владыкам. В 1619 г. Московский Патриарх Филарет получил в дар от Феофана Иерусалимского панагию, описанную в документах Посольского приказа следующим образом: «Камень бел аспид, на нем вырезан образ Богородицы, обложен золотом, а кругом вставлены камни лалы, и изумруды, и жемчюги, на стенках да на выподи у панагеи камень изумруд»¹⁵⁶.

В 1654 г. греческий купец Иван Кириллов привез к русскому двору облачение «бывшего Царегородского Патриарха Парфения: 5 саков обьяринных золотых, да амфор, да полицу... крест золот с камени, в нем часть Древа Честнаго и Животворящего Креста Господня»¹⁵⁷. Иван Кириллов заявил, что выкупил «из бусурманских рук» ризы погибшего Константинопольского Патриарха Парфения специально для Алексея Михайловича. Позднее, видимо в виде дара, они попали к Патриарху Никону и числились в его ризнице¹⁵⁸. На приеме в Кремле греческий купец поднес государю золотой турецкий бархат и названный выше крест, за который он получил царского жалованья соболями на 100 руб.¹⁵⁹ Специально для Московского предстоятеля Никона из Константинополя Вселенский Патриарх Иоанникий прислал главу вмч. Агафоника¹⁶⁰ и часть мощей вмч. Феодора Стратилата¹⁶¹.

В середине XVII в. в Россию попали священные реликвии из многих православных центров Османской империи — из Фракии, Фессалии, Македонии,

Эпира, с Пелопоннеса, греческих островов и Афона, из Сирии, Палестины, Сербии, Болгарии и других земель. К русскому двору было перемещено более 100 памятников древнего христианства и новых православных святынь, которые появились в эпоху турецкого господства (см. приложение 1). Их общее число гораздо больше, чем это можно определить по официальным документам. Современники свидетельствуют о собирании реликвий не только членами царской семьи, но и представителями русской знати и духовенства.

Таким образом, наряду с известными, неоднократно опубликованными, особенно в последнее время, реликвиями, выявлено большое количество священных памятников, практически неизвестных в специальной литературе. Их введение в научный оборот дополняет и корректирует существующие представления о роли восточнохристианских святынь в духовной жизни и культуре России эпохи царя Алексея Михайловича и Патриарха Никона.

Выявленные в ходе исследования документы легли в основу составляемого мною свода восточнохристианских реликвий в России середины XVII в. Свод позволяет каталогизировать полученный материал, облегчая дальнейшую работу с ним. В то же время систематизированные сведения показывают, что введение архивных документов в научный оборот должно сопровождаться проверкой информации источника.

В настоящее время Свод представляет собой рабочий вариант базы данных, касающейся сакральных предметов, попавших в Россию в исследуемый период. Она включает в себя свидетельства документов Посольского приказа, которые дополняются документами других фондов РГАДА, а также сообщения об отдельных памятниках, известных в историографии. Научная и информационная значимость свода может быть показана на примере предлагаемого каталога икон, попавших в Россию при Патриархе Никоне (см. приложение 2).

Сведения об иконах, содержащиеся в досье Посольского приказа, как правило, лаконичны и единообразны. Несмотря на это обстоятельство, они представляют значительный научный интерес. Описания включают указание иконографии памятника, наличие оклада (не всегда), происхождение иконы, которое чаще всего определяется по косвенным данным. Время создания памятника указывается в исключительных случаях. При анализе архивных материалов оказалось, что сюжеты икон, привезенных с христианского Востока, более разнообразны, чем это можно было предполагать. Среди них выделяются 3 основных типа: иконы Спасителя, иконы Божией Матери, иконы разных святых.

Только один перечень икон дает представление о практически не раскрытом информационном потенциале архивных материалов. Обращение к документам корректирует даже хорошо известную по публикациям историю сакральных памятников, например богородичных икон — Иверской, Влахернской и «Троеручицы». Благодаря проведенному исследованию была уточнена дата появления у Патриарха Никона 2-й Иверской иконы, а также выявлены еще 3 образа «Портаитиссы», привезенные в Москву.

Появление Влахернской иконы Божией Матери, включенное в общий контекст перемещения реликвий, оценивается как один из эпизодов этого широкого процесса, но отнюдь не как центральное и уникальное событие. В то же время анализ документов показал, что икона Божией Матери «Троеручица», специально выписанная на Афоне Патриархом Никоном, мало известна специалистам. Причин тому несколько. Одна из них заключается в упомянутой выше единообразной формулировке документов. Богородичные иконы описываются в них чаще всего как «образ Богородицы с Превечным Младенцем». За ней может скрываться любой образ Одигитрии, в том числе и непривычный для русских. Именно так и произошло с иконой Божией Матери «Троеручица», попавшей в Москву в январе 1658 г.

Трудности, возникающие при изучении архивных документов, заключаются не только в лапидарности формулировок. Как оказалось, точность названия иконы в них зависела от знания иконографии лицами, которые фиксировали сакральные памятники в приказных книгах и столбцах. В этом контексте пример с образом Божией Матери «Троеручица» оказался не единственным. Икона, привезенная царю Алексею Михайловичу Антиохийским Патриархом Макарием, записана в документах как «образ Спаса, писанный в корени Есееви»¹⁶². Павел Алеппский уточняет, что это была «превосходная критская икона... с изображением лозы, которая выходит из Господа Христа и несет 12 учеников Его; Бог Отец с высоты, над Духом Святым благословляет»¹⁶³. В критской иконографии данный извод называется «Христос “Виноградная лоза”»¹⁶⁴.

Для россиян более привычным было изображение Древа Иесеева, родословия Спасителя, начинающегося от царя Давида и увенчанного образом Богородицы с Младенцем. Эта роспись помещалась на галерее Благовещенского собора Кремля¹⁶⁵, через которую часто проходили служащие московских приказов. Вполне вероятно, что критская икона получила свое название по аналогии с сюжетом росписи из Благовещенского собора.

Икону Спасителя и сербских чудотворцев из Хиландарского монастыря следовало бы назвать образом сербских чудотворцев Саввы и Симеона с благословляющим Спасителем. Известен подобный хиландарский образ сербских чудотворцев, с той лишь разницей, что вместо Спасителя помещено изображение Богородицы «Воплощение»¹⁶⁶. Уточняющее определение, присутствующее в документе, например «Богородица Умиление», могло быть подсказано греческой надписью на иконе (Н Ήλεδσα)¹⁶⁷.

Икона Успения Богородицы, привезенная в 1653 г. критским архимандритом Неофитом, названа в досье Посольского приказа чудотворной. Это едва ли не единственное упоминание о чудотворной силе образа, которое стало определением иконы и повторялось при различных выписках из приказных дел. Как правило, свидетельство о чудесах, совершаемых святыней, содержалось в греческих грамотах, сопровождавших ее присылку, переводилось на русский язык и не повторялось при дальнейшем использовании документов.

Анализ сюжетов большинства икон, привезенных в Россию в середине XVII в., свидетельствует о том, что они были созданы в поствизантийскую

эпоху¹⁶⁸. Однако среди них могли оказаться произведения греческих мастеров XV–XVI вв., которые в XVII в. справедливо воспринимались современниками как древние. Были и иконы, писавшиеся едва ли не к визиту греков в Москву или непосредственно по заказу русских властей. Бесспорно одно: восточные архипастыри имели возможность привезти к русскому двору произведения, достойные внимания царя и Патриарха. Вероятно, такими иконами были «Спас в киоте», принесенный бывшим Вселенским Патриархом Афанасием (Пателаром), или «весьма древний»¹⁶⁹ образ св. апостола Петра, подаренный царю Макарием Антиохийским.

Анализ иконографического репертуара, представленного в Своде, выявляет несколько закономерностей в отборе икон для царской семьи и Патриарха. Во-первых, привозили излюбленные изображения Спасителя и Божией Матери. Во-вторых, изображения святых, особо почитаемых в обителях, откуда они были принесены. Таков, например, образ св. Екатерины из Никольского монастыря (Галац). Проникновение почитания св. Екатерины в эту обитель объясняется ее тесными контактами с Синайским монастырем и его подворьем на Крите. Из Хиландара присылали образ св. Георгия. Эта икона «на золоте» могла быть повторением почитаемого в обители образа, который, по свидетельству монахов, творил чудеса¹⁷⁰. Доставляемые иконы сопровождалась частицами мощей одноименных святых. Икона Феодора Тирона из монастыря Анастасии Узорешительницы появилась в Москве вместе с мощами святого, так же, как и 2 храмовых образа св. Пантелеимона (для царя Алексея Михайловича и царевича Алексея) вместе с мощами святого.

К четвертому типу следует отнести храмовые иконы, которые были особо популярными дарами и на Востоке, и в России. Например, Мирликийский митрополит Иеремия привез в Москву образ свт. Николая. Посланцы Милешева монастыря Саввы Сербского чаще всего привозили иконы сербских святых. Одну из них — образ святых Саввы, Стефана и Симеона — они доставили в 1652 г. Отдельно следует отметить иконы святых покровителей государя и членов царской семьи. В 1652 г. Левкадский митрополит Матфей подарил Алексею Михайловичу образ св. Алексия, человека Божия.

Данные Свода позволяют выявить политические и культурные связи русского правительства и православных центров Османской империи, а также более детально изучить просопографию представителей греческого, славянского и арабского духовенства, побывавших в Москве (см. приложение 3).

Первое место среди православных церковных центров, поддерживавших активные связи с Россией, принадлежит кафедрам восточных Патриархов, которые регулярно информировали русское правительство о политической ситуации в Османской империи и положении ее православных подданных. Как следует из анализа документов Посольского приказа, иконы дарились государю при личной встрече. Мощи святых, которые также подносились на царских приемах в Кремле, могли быть присланы вместе с Патриаршими грамотами и передавались Алексею Михайловичу доверенными лицами Патриархов.

На втором месте оказываются монастыри Святой Горы. Связи России с Афоном сохраняли свою актуальность на протяжении XVI — начала XVIII в. Для середины XVII столетия эти контакты особенно значимы и плодотворны. В орбиту связей России с христианским Востоком попадают и другие православные обители Высокой Порты. Чаще всего это были церковные центры, главы которых имели возможность запастись рекомендательными письмами от Патриархов.

Сведения Посольского приказа о приезжавших митрополитах, архиепископах и епископах в большинстве случаев не вызывают сомнений и подтверждаются синхронными греческими источниками. Однако так обстоит дело не всегда. Информация о Левкадском архиепископе Матфее в «Юридическом сборнике» Иерусалимского Патриарха Досифея отсутствует. Сборник лишь подтверждает факт существования архиепископии. В собрании греческих грамот РГАДА сохранилось письмо царю Алексею Михайловичу Антиохийского Патриарха Макария, просившего оказать материальную помощь Левкадскому и Агиомаврскому архиепископу Матфею¹⁷¹. Таким образом, документы РГАДА частично восполняют лакуны, имеющиеся в греческих источниках.

Личность Адрианопольского архиепископа Никифора пока не поддается однозначному определению. В Реестре документов фонда «Сношения России с Грецией», составленном Н. Н. Бантыш-Каменским, Никифор назван «Адрианопольским митрополитом»¹⁷². В столбцах Посольского приказа приезжий записан как «Македонские области города Ядринаполя Спаского монастыря архиепископ Микифор». В челобитной на имя государя Никифор назывался «архиепископом Вернопольским»¹⁷³. Он сообщил о себе, что живет в Спасском монастыре и прибыл в Россию из-за необходимости восстановить иконостас и поновить местные иконы в соборе. Как видно из челобитной Никифора с просьбой о подводах, он вывез из Москвы русские иконы, подробности о которых документы не сообщают¹⁷⁴. Кроме того, Никифор получил царскую жалованную грамоту с правом приезда в Россию за милостыней в седьмой год, выданную «Анкирскому старскому Вернопольскому монастырю»¹⁷⁵.

Монастыри, посланцы которых упоминаются в документах Посольского приказа в связи с привозом икон, известны специалистам достаточно хорошо. Вместе с тем анализ документов позволяет сделать некоторые уточнения. Например, в указателе к «Реестрам греческих дел» вместо одного сербского Милешева монастыря попали 2 обители: Вознесенская и Саввы Сербского¹⁷⁶. На самом деле речь идет об одном и том же монастыре. После того как в 1236 г. тело святителя Саввы было перенесено из Тырнова и положено в специально построенном приделе Вознесенской церкви, Милешев Вознесенский монастырь стал чаще называться монастырем Саввы Сербского.

Архимандрит Неофит из свиты Афанасия (Пателара), автор «Повествования о Крите», сохранившегося в фондах Посольского приказа¹⁷⁷, записан в столбцах как посланец критского Успенского монастыря¹⁷⁸. На острове было несколько монастырей, посвященных Успению Богородицы, в том числе знаменитый мужской в Ангарафу (юго-восточнее Ираклиона). Он связан

с именами Александрийского Патриарха Мелетия Пигаса и Константинопольского Патриарха Кирилла Лукариса¹⁷⁹.

На греческой грамоте, представленной в Москве архимандритом Неофитом, Афанасий (Пателар) сделал надпись, свидетельствующую о том, что речь идет о монастыре Богоматери τῆς Ἀκροτηρικῆς¹⁸⁰. Это другая критская обитель, имевшая древнее посвящение Рождеству Богородицы. В настоящее время она называется в честь Богоматери Акротириани и Иоанна Богослова Топлу¹⁸¹. Расхождения в сведениях приказа касаются и янинского архимандрита Досифея, также находившегося в свите бывшего Константинопольского Патриарха. В одних документах он записан как архимандрит Рождественского монастыря, в других — Успенского (возможно, Успенского монастыря в Кастрице)¹⁸². Не исключено, что путаница возникла между этими спутниками Афанасия (Пателара). Среди других лиц, причастных к привозу в Россию икон, следует отметить греческого купца Дмитрия Остафьева, который привез в Москву Влахернский образ Божией Матери.

При дальнейшей работе над Сводом реликвий возможно включение в него и другой информации, содержащейся в документах, в частности, о лицах, которым предназначались реликвии, факт особого царского жалования за них, выдачу государевой жалованной грамоты и т. д. Иногда в досье Посольского приказа присутствуют сведения о том, что святыня «взята к государю наверх», т. е. в царские палаты. В Свод будут включены и сведения о сакральном памятнике в специальной литературе. Сложность изучения восточнохристианского художественного и сакрального наследия в России заключается главным образом в том, что многое из него утрачено безвозвратно. В то же время архивные материалы позволяют осуществлять плодотворную исследовательскую работу даже в тех случаях, когда памятники не сохранились и не имеют давней историографической традиции.

Появление в Москве христианских реликвий совпало с собиранием в столице и других городах мощей русских святых, созданием новых образцов иконографии (например Московского митрополита Филиппа, Богоматери с московскими чудотворцами и т. д.), строительством монастырей, посвященных русским святым и подвижникам. Почитание российских, «их новых» святых, как говорили иностранцы, стало обязательным элементом общения греческого и русского духовенства еще с XVI в. Во времена Алексея Михайловича и Патриарха Никона оно приобрело особое значение.

В XVII в. священные реликвии собирали не только в России. Греческая община Венеции хранила христианские древности со времен Византийской империи, чему способствовали и геополитическое положение двух государств, и тесные традиционные культурные связи. Позднее она продолжала приумножать свои священные сокровища¹⁸³. Деятели Восточной Церкви посылали мощи святых к молдавским господарям¹⁸⁴.

Для славян на поствизантийском пространстве особенно характерным было почитание собственных святых, просиявших еще в эпоху Восточной Римской империи. По изучаемым источникам особенно хорошо прослежи-

вается история поклонения в Сербии святым Савве, Стефану и Симеону, культ которых стал общехристианским достоянием византийской эпохи. Их мощи и иконографические изображения чаще всего привозили в Москву.

При русском дворе священные реликвии заняли едва ли не центральное место в греческо-русских связях эпохи Патриарха Никона. Святыни присылали вместе с Патриаршими грамотами, без них не обходилась ни одна аудиенция у государя. За реликвии выдавали особое царское жалованье, а также жалованные грамоты. Почитание восточнохристианских реликвий стало одним из элементов идеи византийского наследия в России середины XVII в.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ См., например: *Павел Алеппский*. Путешествие Антиохийского Патриарха Макария в Россию в половине XVII века, описанное его сыном, архидиаконом Павлом Алеппским / Пер. с арабского Г. Муркоса. М., 2005. С. 238; Письма русских государей и других особ царского семейства. Т. 4. Письма царя Алексея Михайловича. М., 1891. С. 31; Собрание писем царя Алексея Михайловича / Изд. П. Бартенева. М., 1856. С. 222.
- ² Основные работы по теме: *[Муравьев А. Н.]* Сношения России с Востоком по делам церковным. СПб., 1858. [Ч. 1, 2]; *Белокуров С. А.* Дело о присылке шахом Аббасом Ризы Господней из Персии в Москву в 1625 году. М., 1891; *Белокуров С. А.* Арсений Суханов. Ч. 1, 2. М., 1894; *Каптерев Н. Ф.* Характер отношений России к православному Востоку в XVI и XVII столетиях. Сергиев Посад, 1914; *Макарий (Булгаков), митр.* История Русской Церкви. Кн. 7. М., 1996.
- ³ См., например: *Рогов А. И.* Культурные связи России с балканскими странами в первой половине XVII в. // Связи России с народами Балканского полуострова: Первая половина XVII в. М., 1990. С. 122–137, а также сборники: Реликвии в искусстве и культуре восточнохристианского мира: Тез. докл. и мат-лы междунар. симпозиума. М., 2000; Восточнохристианские реликвии. М., 2003; Реликвии в Византии и Древней Руси. Письменные источники. М., 2006.
- ⁴ Опыт разработки архивных материалов представлен в публикациях: *Чеснокова Н. П.* Реликвии христианского Востока в Москве середины XVII века (по данным Посольского приказа) // Реликвии в искусстве и культуре восточнохристианского мира... С. 88–90; *ее же.* Документы Посольского приказа середины XVII века о привозе в Россию реликвий с христианского Востока // Российская дипломатия: история и современность. М., 2001. С. 141–147; *ее же.* Восточные иерархи в Москве в середине XVII в. (по материалам Посольского приказа) // Патриарх Никон и его время. М., 2004. С. 40–54; *ее же.* Свод восточнохристианских реликвий в России в середине XVII в. (Постановка проблемы) // Исторические традиции русско-сирийских культурных и духовных связей: Миссия Антиохийского Патриарха Макария и дневники Павла Алеппского. К 350-летию посещения Макарием Антиохийским и архидиаконом Павлом Алеппским Москвы. Четвертые чтения памяти профессора Николая Федоровича Каптерева. Междунар. науч. конф. (9–10 ноября 2006 г.). Мат-лы. М., 2006. С. 144–161.
- ⁵ См. например: *Уханова Е. В.* Мощи св. Климента Римского и становление Русской Церкви в X–XI веках // Реликвии в искусстве и культуре восточнохристианского мира. С. 67–68; *Царевская Т. Ю.* О царьградских реликвиях Антония Новгородского // Восточнохристианские реликвии / Ред.-сост. А. М. Лидов. М., 2003. С. 398–410; *Стерлигова И. А.* Культ Ризы Богородицы в произведениях древнерусского искусства XII–XIV веков // Реликвии в искусстве и культуре восточнохристианского

- мира. С. 76–77; *ее же*. Святые Успения Богоматери в произведениях древнерусского искусства XII–XIV веков // Восточнохристианские реликвии. С. 553–568; *ее же*. Священные вложения в новгородских напестольных крестах XVI–XVII веков // Ставрографический сборник. Кн. 2. Крест в православии. М., 2003. С. 114–127.
- ⁶ *Кантерев Н. Ф.* Характер отношений России к православному Востоку в XVI и XVII столетиях. Сергиев Посад, 1914. С. 99.
- ⁷ Там же. С. 100.
- ⁸ В отечественной историографии слово «иверский» и его производные принято писать через букву «е». Название афонского Ивирского монастыря пишется в современных исследованиях и в данной работе, согласно новогреческой транскрипции, через букву «и».
- ⁹ *Павел Алептский.* Указ. соч. С. 238.
- ¹⁰ *Элиаде М.* История веры и религиозных идей. Т. 3. От Магомета до Реформации. М., 2002. С. 52.
- ¹¹ Там же. С. 51–53.
- ¹² *Кантерев Н. Ф.* Характер отношений... С. 73 и след.
- ¹³ См., например: РГАДА, ф. 52, оп. 1. 1641 г., № 14, л. 23; *Кантерев Н. Ф.* Характер отношений... С. 75.
- ¹⁴ *Фонкич Б. Л.* Чудотворные иконы и священные реликвии христианского Востока в Москве в середине XVII в. // Очерки феодальной России. Вып. 5. М., 2001. С. 80.
- ¹⁵ См., например: РГАДА, ф. 52, оп. 1. 1652 г., № 6, л. 7.
- ¹⁶ Там же, оп. 1. 1657 г., № 6, л. 2.
- ¹⁷ Там же, оп. 1. 1651 г., № 8, л. 151.
- ¹⁸ Там же, оп. 1. 1657 г., № 6, л. 2.
- ¹⁹ Там же, оп. 1. 1654 г., № 5, л. 3.
- ²⁰ Там же, оп. 1. 1651 г., № 24, л. 21.
- ²¹ См., например: Там же, оп. 1. 1653 г., № 24, л. 21.
- ²² Крест изготовлен в России из палестинского кипарисного дерева. См.: Патриарх Никон. Облачения, личные вещи, автографы, вклады, портреты / Отв. ред. В. Л. Егоров, Е. М. Юхименко. М., 2002. № 29; Крест в России / Авт.-сост. С. В. Гнутова. М., 2004. С. 62 и след. О почитании голгофского Креста см.: *Беляев Л. А.* Гроб Господень и реликвии Святой Земли // Христианские реликвии в Московском Кремле. С. 94 и след.; *Баталов А. Л.* Гроб Господень в сакральном пространстве русского храма // Восточнохристианские реликвии. С. 513–523; *Thyrêt I.* The cult of the True Cross in Moscow and its reception in the center and the regions // Die Geschichte Russlands im 16. und 17. Jahrhundert aus der Perspektive seiner Regionen / Hrsg. Von A. Karpeler. Wiesbaden, 2004. S. 245.
- ²³ РГАДА, ф. 52, оп. 1. 1654 г., № 21 (ч. 2), л. 103.
- ²⁴ Там же, оп. 1. 1653 г., № 10, л. 3.
- ²⁵ Там же, оп. 1. 1654 г., № 21 (ч. 2), л. 103; *Павел Алептский.* Указ. соч. С. 273 и след.
- ²⁶ РГАДА, ф. 52, оп. 1. 1652 г., № 17, л. 2; 1654 г., № 21 (ч. 2), л. 103.
- ²⁷ Там же, оп. 1. 1658 г., № 15, л. 5.
- ²⁸ Там же, оп. 1. 1654 г., № 5, л. 3.
- ²⁹ Там же, оп. 1. 1651 г., № 8, л. 151.
- ³⁰ Там же, оп. 1. 1652 г., № 7, л. 2; 1652 г., № 37, л. 21.
- ³¹ *Стерлигова И. А.* Священные вложения в новгородских напестольных крестах XVI–XVII веков. С. 119.
- ³² РГАДА, ф. 52, оп. 1. 1653 г., № 20, л. 19. Мощи привез в Москву греческий купец Иван Николаев.
- ³³ Там же.
- ³⁴ *Мурзин Е. Б., Попов И. Н.* Александр Великий // Православная энциклопедия. Т. 1. М., 2000. С. 518.
- ³⁵ *Этингоф О. Е., Турилов А. А.* Александр Великий. Иконография // Православная энциклопедия. Т. 1. С. 520.

- ³⁶ РГАДА, ф. 52, оп. 1. 1654 г., № 21 (ч. 2), л. 103.
- ³⁷ Там же, оп. 1. 1657 г., № 15, л. 23.
- ³⁸ Там же, № 6, л. 7–9.
- ³⁹ Там же, оп. 1. 1641 г., № 14, л. 24–26.
- ⁴⁰ Там же, л. 23.
- ⁴¹ Там же.
- ⁴² Ἀποστολόπουλος Δ. Γ., Μιχαηλάρης Π. Δ. Ἡ νομικὴ συναγωγὴ τοῦ Δοσιθέου. Μία πηγὴ καὶ ἓνα τεκμήριο. Ἀθήνα, 1987. Τ. 1. Ν 911. Здесь и далее статус греческих иерархов уточняется по «Юридическому сборнику» Иерусалимского Патриарха Досифея.
- ⁴³ РГАДА, ф. 52, оп. 1. 1640 г., № 8, л. 21.
- ⁴⁴ Имеется в виду та Иверская икона, которая была заказана Никоном еще до его поставления в Патриархи.
- ⁴⁵ Каптерев Н. Ф. Характер отношений... С. 78; Фонкич Б. Л. Чудотворные иконы и священные реликвии христианского Востока в Москве в середине XVII в. С. 83 и след.; *его же*. Чудотворные реликвии христианского Востока в Москве в середине XVII в. Икона Иверской Богоматери. М., 2004; Многоценное сокровище: Иконы Богоматери Одигитрии Влахернской в России. М., 2005.
- ⁴⁶ РГАДА, ф. 52, оп. 1. 1647 г., № 14, л. 64.
- ⁴⁷ Там же, оп. 2, № 307; Греческо-русские связи середины XVI — начала XVIII вв. Греческие документы московских хранилищ. Каталог выставки / Сост. Б. Л. Фонкич. М., 1991. № 38; Международная конференция «Крит, Восточное Средиземноморье и Россия в XVII в.». Греческие документы и рукописи, иконы и памятники прикладного искусства из московских собраний / Сост. и отв. ред. Б. Л. Фонкич. М., 1995. (далее — Крит и Россия в XVII в.). С. 46–47. Русский перевод Посольского приказа этой грамоты см.: РГАДА, ф. 52, оп. 1. 1649 г., № 2, л. 11–15; Подлинные акты, относящиеся к Иверской иконе Божией Матери, принесенной в Россию в 1648 г. М., 1879. С. 1–7; исправленный русский перевод греческой грамоты см.: Фонкич Б. Л. Чудотворные иконы и священные реликвии христианского Востока в Москве в середине XVII в. С. 75–77; Евсеева Л. М., Шведова М. М. Афонские списки «Богоматери Портаитиссы» и проблема подоя в иконописи // Чудотворная икона в Византии и Древней Руси. М., 1996. С. 336–362; Фонкич Б. Л. Чудотворные реликвии христианского Востока в Москве в середине XVII в. Икона Иверской Богоматери. М., 2004. В издании, помимо русских документов, приведены тексты греческих грамот кафигумена Ивирского монастыря Иезекииля Московскому Патриарху Филарету (1627 г.), архимандрита того же монастыря Пахомия царю Алексею Михайловичу (1648 г.) и архимандриту московского Новоспасского монастыря Никону (1648 г.).
- ⁴⁸ Евсеева Л. М., Шведова М. М. Афонские списки «Богоматери Портаитиссы». С. 339–340.
- ⁴⁹ РГАДА, ф. 52, оп. 1. 1652, № 35, л. 2.
- ⁵⁰ Павел Алеппский. Указ. соч. С. 447.
- ⁵¹ Евсеева Л. М., Шведова М. М. Указ. соч. С. 340, 342.
- ⁵² Там же. С. 341.
- ⁵³ РГАДА, ф. 52, оп. 1. 1868 г., № 9, л. 16–17.
- ⁵⁴ Там же, л. 19.
- ⁵⁵ Рассказы о чудотворных иконах монастыря Хиландар в русской записи XVI в. / Вступ. ст. и публ. А. А. Турилова // Чудотворная икона в Византии и Древней Руси. М., 1996. С. 510 и след.
- ⁵⁶ Буланин М. Д. Сказание об иконе Богоматери Иверской // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 2. Ч. 2. Л., 1989. С. 362–365.
- ⁵⁷ Вилинбахов Г. В. Крест царя Константина в средневековой воинской геральдике Европы // Художественные памятники и проблемы культуры Востока. Л., 1985. С. 188–194; Пятницкий Ю. А. Один из путей проникновения памятников балканского искусства в Россию // Древнерусское искусство. Балканы. Русь. СПб., 1995.

- С. 321, 238; *Плюханова М.* Сюжеты и символы Московского царства. СПб., 1995. С. 105–144; *Щедрина К. А.* «Крест императора Константина Великого» (к вопросу иконографии) // Ставрографический сборник. Кн. 2. Крест в православии. М., 2003. С. 55–66.
- ⁵⁸ См., например: *Klein H. A.* Constantine, Helena, and the Cult of the True Cross in Constantinople // *Byzance et les reliques du Christ* / Ed. par J. Durand et B. Flusin. Paris, 2004. P. 31–59; *Lerou S.* L'usage des reliques du Christ par les empereurs aux XIe et XIIe siècles: le Saint Bois et les Saintes Pierres // *Byzance et les reliques du Christ...* P. 159–182.
- ⁵⁹ *Frolov A.* La relique de la Vraie Crois. Recherches sur le développement d'un culte. Paris, 1961. P. 81–94, 136–151; *idem.* Les Reliquaires de la vraie croix. Paris, 1965. P. 193 sq.; *Billot Cl.* Des Reliques de la Passion dans le royaume de France // *Byzance et les reliques du Christ...* P. 240 sq.
- ⁶⁰ *Григорович-Барский В.* Второе посещение Святой Афонской горы Василия Григоровича-Барского, им самим описанное. М., 2004. С. 398.
- ⁶¹ *Фонкич Б. Л.* Чудотворные иконы и священные реликвии христианского Востока в Москве в середине XVII в. С. 90.
- ⁶² В. Григорович-Барский, описывая святыни афонских монастырей, не всегда мог их перечислить полностью. Он писал: «Суть же и иннии мощи святых, ихже сам не видех, понеже в различные странны разнесоша иноки, за милостинею посыламы» (*Григорович-Барский В.* Второе посещение Святой Афонской горы. С. 25)
- ⁶³ *Кантерев Н. Ф.* Характер отношений... С. 65.
- ⁶⁴ Об истории появления Креста в России см.: РГАДА, ф. 52, оп. 1. 1629 г., № 14, л. 23; № 16, л. 22–25; оп. 1. 1652 г., № 37, л. 38; оп. 1. 1655 г., № 15, л. 1 и след.; № 16, л. 155; *Кантерев Н. Ф.* Характер отношений... С. 72–81; *Фонкич Б. Л.* Чудотворные иконы и священные реликвии христианского Востока в Москве в середине XVII в. С. 89–97.
- ⁶⁵ РГАДА, ф. 52, оп. 1. 1665 г., № 17, л. 45–48.
- ⁶⁶ Там же, оп. 1. 1683 г., № 3, л. 59–71.
- ⁶⁷ *Кантерев Н. Ф.* Характер отношений... С. 66–68; *Фонкич Б. Л.* Чудотворные иконы и священные реликвии христианского Востока в Москве в середине XVII в. С. 97.
- ⁶⁸ РГАДА, ф. 52, оп. 1. 1653 г., № 3, л. 1–8; *Кантерев Н. Ф.* Характер отношений... С. 91; *Фонкич Б. Л.* Чудотворные иконы и священные реликвии христианского Востока в Москве в середине XVII в. С. 77–82.
- ⁶⁹ *Фонкич Б. Л.* Чудотворные иконы и священные реликвии христианского Востока в Москве в середине XVII в. С. 82.
- ⁷⁰ Там же; Царь Алексей Михайлович и Патриарх Никон: «Премудрая двоица». Каталог. М., 2005. № 126.
- ⁷¹ РГАДА, ф. 52, оп. 2, № 488; *Фонкич Б. Л.* Чудотворные иконы и священные реликвии христианского Востока в Москве в середине XVII в. С. 87–89; *его же.* Привоз в Москву иконы «Богоматерь Влахернская» // Многоценное сокровище. Иконы Богоматери Одигитрии Влахернской в России. С. 12–14, 17–20.
- ⁷² О привозе иконы в Москву см.: РГАДА, ф. 52, оп. 1. 1654 г., № 2, л. 13–27; *Кантерев Н. Ф.* Характер отношений... С. 86; *Фонкич Б. Л.* Чудотворные иконы и священные реликвии христианского Востока в Москве в середине XVII в. С. 83–89.
- ⁷³ *Павел Алепский.* Указ. соч. С. 274.
- ⁷⁴ Такое мнение высказано в работе: *Цицинова О. А., Качалова И. Я., Гусева А. А., Мартынова М. В.* Тема греческого наследия в церковной и государственной идеологии XVII века // Царь Алексей Михайлович и Патриарх Никон: «Премудрая двоица». С. 105.
- ⁷⁵ Крит и Россия в XVII в. С. 77.
- ⁷⁶ *Зеленская Г.* Святыни Нового Иерусалима. М., 2002. С. 201.
- ⁷⁷ Описание надписей Ново-Иерусалимского монастыря (РГБ, ф. 310 (собр. В. М. Ундольского). № 1119, л. 130–133. Список рубежа 10–20-х гг. XVIII в.).

- ⁷⁸ РГАДА, ф. 52, оп. 1. 1658 г., № 3. Этот приезд хиландарских старцев в Москву упоминается в литературе (*Каптерев Н. Ф.* Русская благотворительность монастырям св. горы Афонской в 16–18 столетиях // Чтения в Обществе любителей духовного просвещения. 1882, март. С. 315; *Фотий А.* Света гора и Хиландар у Османском царству (XV–XVII век). Београд, 2000. С. 214–215), однако истории иконы «Трое-ручица» авторы не касались.
- ⁷⁹ Подворье Хиландарского монастыря возникло в Китай-городе в 1556 г. (РГАДА, ф. 52, оп. 1. 1509–1571, Кн. 1, л. 79–82 об.). Об истории подворья см.: *Шахова А. Д.* Греки в Москве в XVI–XVII вв. // Россия и христианский Восток. Вып. 2–3. С. 186–197.
- ⁸⁰ РГАДА, ф. 52, оп. 1. 1658 г., № 3, л. 26.
- ⁸¹ Там же, л. 26–27.
- ⁸² Там же, л. 53 и след.
- ⁸³ О них подробно говорит Павел Алеппский (см. *Павел Алеппский.* Указ. соч. С. 273–275).
- ⁸⁴ РГАДА, ф. 52, оп. 1. 1658 г., № 3, л. 56.
- ⁸⁵ Там же, л. 58.
- ⁸⁶ Там же, оп. 1. 1661 г., № 10. В греческой грамоте ивиритов (там же, оп. 2, № 606) сведений об иконе из Хиландарского монастыря нет.
- ⁸⁷ Там же, оп. 1. 1661 г., № 10, л. 19.
- ⁸⁸ Там же.
- ⁸⁹ Подробнее о приезде представителей Хиландарского монастыря в 1658 г. и проблемах с их жалованной грамотой см.: *Чеснокова Н. П.* Царские жалованные грамоты греческому духовенству и купцам (середина XVII в.) // Вторые чтения памяти профессора Николая Федоровича Каптерева: Мат-лы. М., 2004. С. 121.
- ⁹⁰ *Зеленская Г.* Святые Нового Иерусалима. С. 200.
- ⁹¹ *Макарий (Булгаков), митр.* История Русской Церкви. Кн. 7. М., 1996. С. 228–229.
- ⁹² РГАДА, ф. 52, оп. 1. 1663 г., № 9, 9а.
- ⁹³ *Зеленская Г.* Святые Нового Иерусалима. С. 197.
- ⁹⁴ РГАДА, ф. 52, оп. 1. 1682 г., № 1; 1682 г., № 11; 1685 г., № 9; 1687 г., № 6.
- ⁹⁵ Описание надписей Ново-Иерусалимского монастыря. Л. 130.
- ⁹⁶ *Каптерев Н. Ф.* Характер отношений... С. 77 и след.
- ⁹⁷ *Чеснокова Н. П.* Восточные иерархи в Москве в середине XVII в. (по материалам Посольского приказа) // Патриарх Никон и его время. М., 2004. С. 52.
- ⁹⁸ Об этой иконе см. ниже.
- ⁹⁹ РГАДА, ф. 52, оп. 1. 1654 г., № 21 (ч. 2), л. 97–102.
- ¹⁰⁰ *Павел Алеппский.* Путешествие Антиохийского Патриарха Макария в Россию. С. 273 и след.
- ¹⁰¹ Там же. С. 287.
- ¹⁰² О свите Антиохийского Патриарха Макария см.: *Панченко К. А.* Спутники Антиохийского Патриарха Макария в его первом путешествии в Россию (1652–1659 гг.) // Чтения памяти профессора Николая Федоровича Каптерева. (Москва, 15–16 октября 2003 г.). Материалы. М., 2003. С. 29–32.
- ¹⁰³ Монастырь назван в столбцах неверно.
- ¹⁰⁴ Так в рукописи.
- ¹⁰⁵ РГАДА, ф. 52, оп. 1. 1651 г., № 8, л. 151.
- ¹⁰⁶ Там же, оп. 1. 1658 г., № 15, л. 5–6.
- ¹⁰⁷ Очевидно, имеется в виду мужской монастырь Велас (Βελλῶς), посвященный Рождеству Богородицы, Янинской митрополии.
- ¹⁰⁸ РГАДА, ф. 52, оп. 1. 1652 г., № 4, л. 19.
- ¹⁰⁹ Там же, л. 18.
- ¹¹⁰ Там же.
- ¹¹¹ РГАДА, ф. 52, оп. 1. 1649 г., № 25. Коринфский митрополит Иоасаф находился в войсках Б. Хмельницкого, воодушевляя восставших казаков, погиб в битве под Берестечком (*Каптерев Н. Ф.* Характер отношений... С. 360). В. Г. Ченцова полагает,

- что Коринфский митрополит Иоасаф и элассонский архиепископ Иоасаф, побывавший в Москве в 1647 г., — одно и то же лицо (*Ченцова В. Г.* Коринфский митрополит Иоасаф, гетман Богдан Хмельницкий и Россия (неизвестные документы фонда «Сношения России с Грецией») (фонд 52 Российского государственного архива древних актов) // *Palaeoslavica*. X/2002. № 2. P. 293 sq.). См. также: *Ἀποστολόπουλος Δ. Γ., Μιχαηλάρης Π. Δ.* Ἡ νομικὴ συναγωγὴ τοῦ Δοσιθέου. Т. 1. N 1007.
- ¹¹² РГАДА, ф. 52, оп. 1. 1650 г., № 29, л. 30.
- ¹¹³ Там же, оп. 1. 1653 г., № 28, л. 1.
- ¹¹⁴ Там же, л. 38.
- ¹¹⁵ Там же, л. 1.
- ¹¹⁶ Подьячие Посольского приказа записали Гавриила «Ватопецким архиепископом, Патриархом сербским и болгарским», сам себя он назвал: «Гавриил, архиепископ Пекский и Патриарх Сербский» (собственноручная подпись Гавриила — РГАДА, ф. 52, оп. 1. 1654 г., № 24, л. 38).
- ¹¹⁷ *Павел Алептский*. Указ. соч. С. 204.
- ¹¹⁸ РГАДА, ф. 52, оп. 1. 1654 г., № 15, л. 27. Подобные случаи имели место и раньше. В 1639 г. старцы из афонского Ивирского монастыря объявили, что привезли ко двору небольшие иконы: два Деисуса на золоте с притворами, на которых с обеих сторон были написаны архангелы и святители, а также образ Богоматери с Младенцем на престоле с притворами (РГАДА, ф. 52, оп. 1. 1640 г., № 2, л. 7–9). На царском приеме афонские монахи поднесли не те святые, что указали в Посольском приказе, а другие: два образа Спаса без затворов и образ Богоматери, также без затворов (РГАДА, ф. 52, оп. 1. 1640 г., № 2, л. 15–16). Названные ивиритами маленькие иконы могли оказаться в руках царской родни или других светских или духовных лиц.
- ¹¹⁹ *Павел Алептский*. Указ. соч. С. 287.
- ¹²⁰ Упоминание об архиепископии *Λευκάδος καὶ Ἀγίας Μαύρας* см.: *Ἀποστολόπουλος Δ. Γ., Μιχαηλάρης Π. Δ.* Ἡ νομικὴ συναγωγὴ τοῦ Δοσιθέου. Т. 1. N 667. См. также грамоту Антиохийского Патриарха Макария о «неоставлении Левкадского и Агиомаврского архиепископа Матфея» царской милостью (РГАДА, ф. 52, оп. 2, № 556).
- ¹²¹ РГАДА, ф. 52, оп. 1. 1657 г., № 7, л. 1.
- ¹²² Там же, л. 2.
- ¹²³ О царском жалованье см.: *Чеснокова Н. П.* Плата за реликвию? К вопросу о русской благотворительности православному Востоку в середине XVII века // Чтения памяти профессора Николая Федоровича Каптерева: Мат.-лы. М., 2003. С. 63–66.
- ¹²⁴ РГАДА, ф. 52, оп. 1. 1658 г., № 18, л. 39–40.
- ¹²⁵ Там же, л. 15, 15а, 15б.
- ¹²⁶ *Ἀποστολόπουλος Δ. Γ., Μιχαηλάρης Π. Δ.* Ἡ νομικὴ συναγωγὴ τοῦ Δοσιθέου. Т. 1. N 551, 660.
- ¹²⁷ См.: РГАДА, ф. 52, оп. 1. 1652 г., № 7.
- ¹²⁸ Там же, оп. 1. 1658 г., № 12, л. 14; 1658 г., № 18, л. 39–40.
- ¹²⁹ Сикиз (Сакиз) — турецкое название о. Хиоса.
- ¹³⁰ РГАДА, ф. 52, оп. 1. 1659 г., № 4, л. 1.
- ¹³¹ Там же, л. 21–26.
- ¹³² Там же, л. 24–25.
- ¹³³ Об избрании Погоянинского архиепископа Нектария см.: *Ἀποστολόπουλος Δ. Γ., Μιχαηλάρης Π. Δ.* Ἡ νομικὴ συναγωγὴ τοῦ Δοσιθέου. Т. 1. N 551.
- ¹³⁴ РГАДА, ф. 52, оп. 1. 1660 г., № 4, л. 31.
- ¹³⁵ Там же, оп. 1. 1582–1588 гг., кн. 2, л. 21.
- ¹³⁶ Там же, оп. 3, № 23.
- ¹³⁷ Там же, оп. 1. 1660 г., № 15, л. 1.
- ¹³⁸ Там же, л. 14.
- ¹³⁹ Там же, оп. 2, № 606; оп. 1. 1661 г., № 10, л. 3.
- ¹⁴⁰ См. выше.
- ¹⁴¹ РГАДА, ф. 52, оп. 2, № 606; оп. 1. 1661 г., № 10, л. 17.

- ¹⁴² Там же, л. 41.
- ¹⁴³ *Фонкич Б. Л.* Арсений Суханов и греческие рукописи Патриаршей библиотеки в Москве // Греческие рукописи и документы в России в XIV — начале XVIII в. М., 2003. С. 126 и след. Там же см. историографию вопроса.
- ¹⁴⁴ О приезде архимандрита Дионисия см.: РГАДА, ф. 52, оп. 1. 1655 г., № 22. О книгах, посланных с ним в Москву, см.: там же, оп. 1. 1661 г., № 10, л. 16.
- ¹⁴⁵ Там же, оп. 1. 1661 г., № 10, л. 16.
- ¹⁴⁶ Там же, оп. 1. 1657 г., № 15, л. 15.
- ¹⁴⁷ Архимандрит Зографского афонского монастыря Петроний, еще будучи келарем, приезжал в Россию за милостыней в 1649 г. (РГАДА, ф. 52, оп. 1. 1649 г., № 6).
- ¹⁴⁸ О других частях мощей апостола Андрея, попавших в Россию (в том числе о деснице апостола), и относящихся к ним реликвариям см.: *Кантерев Н. Ф.* Характер отношений... С. 61; *Виноградов А. Ю.* Рука апостола Андрея // Христианские реликвии в Московском Кремле. М., 2000. С. 161–163; *Журавлева И. А.* Ковчег-мошевик св. апостола Андрея Первозванного // Христианские реликвии в Московском Кремле. С. 164–165.
- ¹⁴⁹ РГАДА, ф. 52, оп. 1. 1657 г., № 15, л. 23–24. На л. 55 сохранились греческие подписи архимандрита Парфения и старца Арсения из г. Трикала.
- ¹⁵⁰ Там же, оп. 1. 1653 г., № 24, л. 20–22.
- ¹⁵¹ Там же, л. 22–24.
- ¹⁵² Там же, оп. 1. 1652 г., № 42, л. 51.
- ¹⁵³ Там же, л. 53.
- ¹⁵⁴ Там же, № 6, л. 23.
- ¹⁵⁵ *Кантерев Н. Ф.* Характер отношений. С. 79.
- ¹⁵⁶ РГАДА, ф. 52, оп. 1. 1649 г., № 7 (ч. 1), л. 164.
- ¹⁵⁷ Там же, оп. 1. 1654 г. № 5, л. 2–3.
- ¹⁵⁸ Указатель для обозрения московской Патриаршей (ныне Синодальной) ризницы / Сост. Савва, архиепископ Тверской. М., 1883. Отд. 1. С. 20, 25.
- ¹⁵⁹ РГАДА, ф. 52, оп. 1. 1654 г., № 5, л. 11.
- ¹⁶⁰ ГИМ, Син. гр. 512, стк 10. Грамота и святыни принесены Иоанном Георгопулосом (стк 8).
- ¹⁶¹ Там же, стк 27.
- ¹⁶² РГАДА, ф. 52, оп. 1. 1654 г., № 21 (ч. 2), л. 97.
- ¹⁶³ *Павел Алептский.* Указ. соч. С. 273.
- ¹⁶⁴ См., например, образ «Христос “Виноградная лоза”» мастера Ангелоса, XV в. (Byzantine and Post-Byzantine Art. Athens, 1986. P. 104. № 101). М. А. Маханько называет иконы XVII в., несколько отличные по иконографии от памятников XVI в. (*Маханько М. А.* Дары Антиохийского Патриарха Макария царю Алексею Михайловичу и Патриарху Никону: Замысел и воплощение // Иноземцы в России в XV–XVII веках: Сб. мат-лов конференций 2002–2004 гг. М., 2006. С. 425).
- ¹⁶⁵ *Бусева-Давыдова И. Л.* Храмы Московского Кремля: Святыни и древности. М., 1997. С. 147; см. также клеймо «Древо Иессеево» на иконе вологодского иконописца Дионисия Гринкова «Воскресение Христово» (*Рыбаков А.* Вологодская икона. М., 1995. № 64).
- ¹⁶⁶ Иконе монастыря Хиландара / Текст Ср. Петковић, фотографија Сл. Матеић. Света Гора Атонска, 1997. С. 150.
- ¹⁶⁷ См., например, надпись на иконе Богоматери (ок. XV в.) из часовни в резиденции епископа Яннины (Byzantine and Post-Byzantine Art. Athens. P. 121. № 119).
- ¹⁶⁸ *Пятницкий Ю. А.* Византийские и поствизантийские иконы в России // Византийский временник. 1993. Т. 54. С. 159.
- ¹⁶⁹ *Павел Алептский.* Указ. соч. С. 273.
- ¹⁷⁰ *Григорович-Барский В.* Второе посещение Святой Афонской горы. С. 240. См., например, иконы св. Георгия XVII в. из Хиландарского монастыря (Иконе монастыря Хиландара... С. 133, 161).

- ¹⁷¹ РГАДА, ф. 52, оп. 2, № 556.
- ¹⁷² *Бантыш-Каменский Н. Н.* Реестр греческим делам Московского архива Коллегии иностранных дел. Российский государственный архив древних актов. Фонд 52. Опись 1 / Отв. ред., введение Б. Л. Фонкич. М., 2001. С. 126.
- ¹⁷³ РГАДА, ф. 52, оп. 1. 1658 г., № 12, л. 10; оп. 2, № 568, 581.
- ¹⁷⁴ В своей челобитной архиепископ Никифор сообщает, что везет государево жалование и иконы, а «поднятка не на чем» (там же, л. 40).
- ¹⁷⁵ Там же, л. 27–30; оп. 3. № 54.
- ¹⁷⁶ *Бантыш-Каменский Н. Н.* Реестр греческим делам. С. 356.
- ¹⁷⁷ РГАДА, ф. 52, оп. 2, № 492; *Фонкич Б. Л.* Греческо-русские связи середины XVI – начала XVIII в. № 52.
- ¹⁷⁸ РГАДА, ф. 52, оп. 1, № 8, л. 106, 150 и др.
- ¹⁷⁹ *Κοκκίνη Επ.* Τά μοναστήρια τῆς Ἑλλάδος. Ἀθήνα, 1999. Σ. 185–186.
- ¹⁸⁰ РГАДА, ф. 52, оп. 2, № 447; *Фонкич Б. Л.* Греческо-русские связи середины XVI – начала XVIII в. № 43.
- ¹⁸¹ *Κοκκίνη Επ.* Τά μοναστήρια τῆς Ἑλλάδος. Σ. 189.
- ¹⁸² *Ченцова В. Г.* Три греческие грамоты бывшего Патриарха Афанасия II (Пателара) // Очерки феодальной России. Вып. 7. М., 2003. С. 170.
- ¹⁸³ *Μαλτέζου Χ.* NAZIONE GRECA καὶ COSE SACRE. Λείψανα ἀγίων στὸν ναὸ τοῦ ἀγ. Γεωργίου τῆς Βενετίας // ΘΗΣΑΥΡΙΣΜΑΤΑ. 1999. Ν 29. Σ. 12; *Morini E.* Note di l'ipsanografia veneziana // Bizantinistica. Rivista di Studi Bizantini e Slavi. 1999. Anno 1. P. 150 sq.
- ¹⁸⁴ РГАДА, ф. 52, оп. 1. 1653 г., № 20, л. 23; *Павел Алептский.* Указ. соч. С. 53, 56.

Приложение 1

**Реликвии христианского Востока в России
в середине XVII в.**

Животворящее Древо Господне

- Древо Животворящего Креста Господня*, в золотом кресте-мощевике (Константинополь);
- Животворящее Древо, фрагмент (Константинополь?);
- Животворящее Древо, фрагмент, в кресте-мощевике (Тифлис?);
- Животворящее Древо Господне, фрагмент, в серебряном позолоченном кресте (монастырь Усекновения главы Иоанна Предтечи, Серы);
- Животворящее Древо Христово, фрагмент (Константинополь).

Кресты

- Деревянный резной (Никольский монастырь, Галац);
- Кипарисной резной, обложен серебром (Спасский монастырь, Адрианополь?);
- Крест-мощевик золотой с драгоценными камнями, с фрагментом древа Животворящего Креста Господня (Константинополь);
- Крест-мощевик золотой, с фрагментом мощей Иоанна Милостивого (Ильинский монастырь, Янина);
- Крест-мощевик, с фрагментом Животворящего Древа и фрагментами вериг Иоанна Богослова (Тифлис?);
- Обложенный серебром (Иерусалим?);
- Распятие Господне, резано на камне от Гроба Господня, обложен серебром (Никольский монастырь, Галац);
- Резной (Великая Лавра, Афон);
- Резной (Вознесенский монастырь, Печ);
- Резной (Погониани);
- Резной (Преображенский монастырь, Янина);
- Резной (Преображенский монастырь, Янина);
- Резной, в золотом окладе с камнями (Константинополь);
- Серебряный золоченый, с частицей Животворящего Древа Господня (монастырь Усекновения главы Иоанна Предтечи, Серы).

Кровь

- Варвары, вмч. (Зографский монастырь, Афон);
- Георгия, вмч. (Зографский монастырь, Афон);
- Феодора Стратилата, вмч. (Филофеев монастырь, Афон);
- Христа – Камень с Голгофы, обгагранный Кровью Христа, фрагмент (Константинополь).

* Названия предметов приводятся так, как они описаны в документах.

Миро

- Даниила Сербского (Вознесенский монастырь, Печ);
- Димитрия Солунского (Ватопедский монастырь, Афон);
- Димитрия Солунского (монастырь Анастасии Узорешительницы, Фессалоника);
- Димитрия Солунского (Зографский монастырь, Афон);
- Миро (Спасский монастырь, Адрианополь?);
- От святых мощей (Успенский монастырь, Кастория);
- Соборное старое и новое (Дамаск?);
- Составленное от всех 4 Вселенских Патриархов (Никольский монастырь, Галац).

Мощи

- Алексия, человека Божия (Богоматери Акротирани монастырь, Крит);
- Алексия, человека Божия (Дамаск?);
- Анастасии Узорешительницы, вмч. (Константинополь?);
- Анастасии Узорешительницы, вмч. (Дамаск?);
- Анастасии Узорешительницы, вмч. (Дамаск?);
- Андрея Первозванного, апостола, фрагмент (Преображенский монастырь, Янина);
- Афанасия Александрийского, фрагмент (Пантелеймонов монастырь, Афон);
- Варвары, вмч. (Дамаск?);
- Вифлеемских младенцев, фрагмент (Анастасии Узорешительницы монастырь, Фессалоника);
- Власия, сщмч. (Зографский монастырь, Афон);
- Георгия, вмч., фрагмент (Хиландарский монастырь, Афон);
- Георгия Победоносца, вмч. (Лариса);
- Григория Богослова (Спасский монастырь, Адрианополь?);
- Димитрия Солунского (Ватопедский монастырь, Афон);
- Иоанна Милостивого, в золотом кресте-мощевике (Ильинский монастырь, Янина);
- Иоанна Предтечи (Дамаск?);
- Киприана, сщмч. (Кесария);
- Кирика, мч. (Филофеев монастырь, Афон);
- Кирика, мч., правая рука (Хиландарский монастырь, Афон);
- Луки, апостола и евангелиста, фрагмент (Великая Лавра, Афон);
- Максима Исповедника, прп., фрагмент (Никея);
- Матфея, апостола и евангелиста (Никольский монастырь, Галац);
- Меркурия, вмч. (Константинополь);
- Пантелеимона, вмч. (Кесария);
- Пантелеимона, вмч. (Пантелеймонов монастырь, Афон);
- Пантелеимона, вмч. (Филофеев монастырь, Афон);
- Пантелеимона, вмч., фрагмент (Пантелеймонов монастырь, Афон);

- Стефана Первомученика (Преображенский монастырь, Янина);
- Стефана Первомученика (остров Хиос?);
- Стефана Первомученика, перст (Вознесенский монастырь, Печ);
- Стефана Первомученика, фрагмент (Преображенский монастырь, Янина);
- Феклы, прмц. (Дамаск?);
- Феодора Стратилата, вмч., в резной панагии (Хиландарский монастырь, Афон);
- Феодора Стратилата, вмч. фрагмент (Успенский монастырь, Янина);
- Феодора Тирона, вмч. (Константинополь?);
- Феодора Тирона, вмч. (Анастасии Узорешительницы монастырь, Фессалоника).

Панагии

- Резная деревянная с мощами Феодора Стратилата, вмч. (Хиландарский монастырь, Афон);
- Резная с двух сторон, с праздниками (Великая Лавра, Афон);
- С мощами Иоанна Предтечи (Дамаск?).

Разное

- Вериги Иоанна Богослова, часть, в кресте-мощевике (Тифлис?);
- Вода святая из целебного источника (Богоматери Акротириани монастырь, Крит);
- Евангелие греческое (Антиохия);
- Евангелие напрестольное, листы харатейные (Успенский монастырь, Янина);
- Омофор Александрийского Патриарха Александра (Никея);
- Саккос Константинопольского Патриарха Кирилла Лукариса (Константинополь).

**Иконы, привезенные в Россию
с христианского Востока в середине XVII века**

Таблица 1

Иконы Спасителя

Год	Название (по документу)	Откуда привезена	Кто привез	Шифр архивного дела
1652	Спас	Афон, Филофеев монастырь	Архимандрит Григорий	Ф. 52, оп. 1. 1653, № 10
1653	Спас в киоте	Галац, Никольский монастырь	Афанасий (Пателар), бывший Патриарх Константинопольский	Ф. 52, оп. 1, 1651, № 8
1655	Спас, писан в корени Есееви	Дамаск (?)	Макарий, Патриарх Антиохийский	Ф. 52, оп. 1. 1654, № 21, ч. 2
1655	Спас с апостолами, складень	Дамаск (?)	Макарий, Патриарх Антиохийский	Ф. 52, оп. 1. 1654, № 21, ч. 2
1657	Спас с притворами	Янина, Успенский монастырь	Архимандрит Досифей	Ф. 52, оп. 1. 1657, № 15
1657	Спас Нерукотворный	Афон, Великая Лавра	Игумен Игнатий	Ф. 52, оп. 1. 1657, № 15
1657	Спас и сербские чудотворцы Савва и Симеон	Афон, Хиландарский монастырь	Архимандрит Виктор	Ф. 52, оп. 1. 1658, № 3
1658	Спас на престоле с затворами, с серебряным венцом	Адрианополи (?), Спасский монастырь	Архиепископ Никифор	Ф. 52, оп. 1. 1658, № 12
1658	Сретение Господне	Галац, Никольский монастырь	Архимандрит Герасим	Ф. 52, оп. 1. 1658, № 15
1659	Образ Спаса	Погониани	Архиепископ Нектарий	Ф. 52, оп. 1. 1660, № 4

Таблица 2

Иконы Богоматери

Год	Название (по документу)	Откуда привезена	Кто привез	Шифр архивного дела
1652	Богородица с Младенцем	Афон, Хиландарский монастырь	Архимандрит Виктор	Ф. 52, оп. 1. 1652, № 17
1652	Богородица Одигитрия, на полях 12 апостолов	Афон, Ивирский монастырь	Архимандрит Климентий	Ф. 52, оп. 1. 1652, № 35
1652	Богородица с Младенцем	Афон, Ватопедский монастырь	Архимандрит Дамаскин	Ф. 52, оп. 1. 1652, № 37
1652	Богородица Одигитрия	Монастырь Анастасии Узорешительницы близ Фессалоники	Архимандрит Галактион	Ф. 52, оп. 1. 1652, № 37
1652	Успение Богородицы	Афон, Филофеев монастырь	Архимандрит Григорий	Ф. 52, оп. 1. 1653, № 10
1653	Влахернская	Константинополь	Дмитрий Астафьев, купец от протосинкела Гавриила	Ф. 52, оп. 1. 1654, № 2
1653	Успение Богородицы	Крит, монастырь Богоматери Акротириани	Архимандрит Неофит	Ф. 52, оп. 1. 1651, № 8
1657	«Умиление»	Янина, Успенский монастырь	Архимандрит Досифей	Ф. 52, оп. 1. 1657, № 15
1658	«Троеручица»	Афон, Хиландарский монастырь	Архимандрит Виктор	Ф. 52, оп. 1. 1658, № 3

Таблица 3

Иконы разных святых

Год	Название (по документу)	Откуда привезена	Кто привез	Шифр архивного дела
1650	Пророк Илия	Остров Халки, Успенский мо- настырь	Архимандрит Иосиф	Ф. 52, оп. 1. 1651, № 42
1652	Феодор Тирон	Монастырь Ана- стасии Узорши- тельницы, близ Фессалоники	Архимандрит Галактион	Ф. 52, оп. 1. 1652, № 37
1652	Сербские чудо- творцы Савва, Стефан, Симеон	Милешево, Воз- несенский Саввы Сербского монас- тырь	Архимандрит Виссарион	Ф. 52, оп. 1. 1652, № 58
1653	Николай Чудо- творец	Миры Ликийские	Митрополит Иеремия	Ф. 52, оп. 1. 1653, № 28
1655	Апостол Петр	Крит (?)	Антиохийский Патриарх Мака- рий	Ф. 52, оп. 1. 1654, № 21, ч. 2
1657	Алексей, человек Божий	Левкадос	Архиепископ Матфей	Ф. 52, оп. 1. 1657, № 7
1657	Образ всех святых	Афон, Великая Лавра	Игумен Игнатий	Ф. 52, оп. 1. 1657, № 15
1657	Св. Георгий «на золоте»	Афон, Хиландар- ский монастырь	Архимандрит Виктор	Ф. 52, оп. 1. 1658, № 3
1658	Св. Екатерина	Галац, Николь- ский монастырь	Архимандрит Герасим	Ф. 52, оп. 1. 1658, № 15
1659	Апостолы Петр и Павел	Погониани	Архиепископ Нектарий	Ф. 52, оп. 1. 1660, № 4
1660	Св. Пантелеимон	Афон, Пантелей- монов монастырь	Архимандрит Дионисий	Ф. 52, оп. 1. 1660, № 15

Приложение 3

**Церковные центры, откуда были привезены
в Россию иконы**

Монастыри

- Анастасии Узорешительницы близ Фессалоники;
- Богоматери Акротириани (Крит);
- Ватопед (Афон);
- Великая Лавра (Афон);
- Ивирский (Афон);
- Милешев Саввы Сербского;
- Никольский (Галац);
- Пантелеймонов (Афон);
- Спасский (Адрианополь);
- Успенский (Янина);
- Филофеев (Афон);
- Хиландарский (Афон);
- Успенский (остров Халки).

Города

- Дамаск;
- Константинополь;
- Миры Ликийские;
- Погониани.

*Приложение 4***Лица, доставившие или приславшие иконы**

Патриархи:

- Макарий, Патриарх Антиохийский;
- Афанасий (Пателар), Патриарх Константинопольский.

Митрополиты и архиепископы:

- Иеремя, митрополит Мирликийский¹;
- Матфей, архиепископ Левкадский;
- Нектарий, архиепископ Погоянинский²;
- Никифор, архиепископ Вернопольский.

Архимандриты, игумены и др.:

- Виктор, архимандрит афонского Хиландарского монастыря;
- Виссарион, архимандрит Милешева Саввы Сербского монастыря;
- Галактион, архимандрит монастыря Анастасии Узорешительности;
- Герасим, архимандрит Никольского монастыря в Галаце;
- Григорий, архимандрит афонского Филофеева монастыря;
- Дамаскин, архимандрит афонского Ватопедского монастыря;
- Дионисий, архимандрит афонского Пантелеймонова монастыря;
- Досифей, архимандрит янинского Успенского монастыря;
- Игнатий, игумен афонской Великой Лавры;
- Корнилий, экклисиарх афонского Ивирского монастыря;
- Неофит, архимандрит критского Успенского монастыря.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Ἀποστολόπουλος Δ. Γ., Μιχαηλάρης Π. Δ. Ἡ νομικὴ συναγωγή τοῦ Δοσιθέου. Τ. 1. Ν 584.

² Ibid. Ν 551.